Павел Марушкин

ЛЕКСИКОН

Павел Марушкин

Лексикон

«Автор»
2026

Марушкин П. О.

Лексикон / П. О. Марушкин — «Автор», 2026

Британия поглотила большую часть Европы, победила в Крымской войне и правит миром. Это — Большая Игра; и джентльмены в ней хороши. Они никогда не проигрывают: если надо, они просто меняют правила.Но существует нечто, способное одним движением смахнуть все фигуры с доски. В поисках этой силы сквозь снега Урала, ядовитые туманы Альбиона и джунгли Нового Света путешествует странная пара. Он — ученый, беглый революционер, вечный скиталец; она — дочь знахарки и механика-оружейника из северной крепости. А по их следу, отставая совсем ненамного, идут адепты тайного знания; те, кто отчаянно пытается остановить Апокалипсис

© Марушкин П. О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 56

Павел Марушкин
Лексикон

Павел Марушкин

ЛЕКСИКОН

Сила пророков в их моральной уверенности
Олег Куваев «Территория»

ЧАСТЬ I. Рыцарская машина

Буран разыгрался не на шутку. Снежные струи сердито шипели в расселинах скал. Казаки прятали лица за поднятыми воротниками, натягивали до самых бровей форменные мохнатые папахи с кокардами в виде оскаленной волчьей головы. Раненым приходилось ещё хуже. Кто мог – шел сам, остальных несли. Импровизированные носилки пришлось сделать из винтовок и шинелей: ничего более подходящего не нашлось. Немирные чукчи напали внезапно, подпустив дозор вплотную. Гряда сугробов вдруг рассыпалась неслышным взрывом, ударили копья, и низкорослые кряжистые фигуры смяли арьергард маленького отряда. Замелькали тяжелые, грубой ковки железные ножи – такие одним ударом отделяют кисть от руки… Вахмистр поморщился: оружие северных кочевников как нельзя лучше подходило для зимней войны – а вот хвалёные, аносовского булату шашки на сорокаградусных морозах становились хрупкими… Да и пули, случалось, отскакивали от здоровенных, обшитых моржовыми шкурами щитов. Конечно, в Крепости имелись и митральезы, и пушки, только вот инородцы на перевале носа не кажут – учёные…

Засада унесла жизни четверых. Ещё двое пропали без вести: аборигены набросили им на плечи крепкие кожаные арканы и уволокли в свистящую и завывающую мглу. Вилько и Светлова… Вахмистр скрипнул зубами. Проклятье!!! Опомнившиеся казаки дали залп и даже кой-кого уложили, да что толку! Отбить взятых в плен не удалось: собачьи упряжки по снегу бегают куда как резвее усталых людей. Теперь одна надежда, и та слабая – выкупить бедолаг на торжище… Вот только поди знай, что за племя их умыкнуло! Может, им полновесные атаманские рублики вовсе без надобности – так, побрякушки, для баб их плосколицых украшение.

– Не отставать! – хрипло каркнул вахмистр в свистящую мглу. – Оружие держать наготове!

Маленький отряд обогнул зубчатую гряду. Они почти пришли: сквозь пургу тёмным пятном просвечивали стены Крепости. Вахмистр сбавил шаг, поджидая арьергард, поудобнее перехватил винтовку. Так близко люди снегов не подбирались, но чем чёрт не шутит?

– Быстрей, казачки, быстрей!

Снежную круговерть прокололи лучи рукотворной звезды. Мощный керосинокалильный прожектор наподобие тех, что устанавливают на морские суда, выдал короткую череду вспышек: сигнальщик давал знать, что их приметили. Тихонько постанывали раненые. Горячка сражения отошла, и теперь каждое неосторожное движение носильщиков отзывалось вспышкой боли. Ничего, ребятушки, потерпите немного, мы уже совсем рядом… Оскальзываясь на ступенях каменной лестницы, поредевший отряд возвращался домой.

…Когда скрывавшиеся под снегом воины рванулись в атаку, Ласка растерялась. Лишь несколько мгновений спустя, заслышав резкие шлепки самострелов и опасно-близкое вжиканье дротиков, она вскинула к плечу приклад, ловя в прорезь прицела тёмный силуэт. Нападавших следовало подпустить как можно ближе. В буран не так-то легко выцелить подвижную

мишень; но нервы не выдержали, и Ласка потянула спуск раньше, чем надо. Воин, в которого она метила, бежал, как ни в чём не бывало – впрочем, недолго: кто-то из казаков оказался более хладнокровным и срезал его почти в упор. Стиснув зубы, девушка щелкнула рычагом затвора, вложила новый патрон… На этот раз выстрел был точен, она попала туда, куда и целилась: в голову. Инородец споткнулся на всём бегу и рухнул в сугроб. «Снегом слепит, черт, своих бы не задеть… Подпускать разве вплотную, шагов на дюжину…» Щелкает затвор. Вокруг – безостановочные хлопки выстрелов, словно пастухи кнутами играют: бац! бац! В арьергарде кто-то кричит, громко и хрипло, там что-то непонятное, мельтешение тел, звенит железо… Сошлись в рукопашную? Похоже… В снежной круговерти справа вдруг проступило тёмное пятно. Запряженные ездовыми собаками нарты лихо развернулись, каюр выпрямился во весь рост, взмахнул рукой. Ласка рывком перевела ствол. Что-то стремительно летело сквозь метель прямо ей в лицо. Выстрелить она всё-таки успела и даже попала: фигура на санях согнулась пополам, но в тот же миг широкая кожаная петля аркана упала на плечи, тисками сдавила грудь.

Мощный рывок вырвал девушку из строя, словно больной зуб из десны. Каким-то чудом Ласка умудрилась не выпустить из рук винтовку, но толку от неё было чуть: локти прижало к бокам будто стальным обручем. Упряжка рванула с места. Снег, такой мягкий и пушистый, вдруг обернулся наждаком, злорадно шкрябнул по лицу, набился за ворот… Шум и гвалт схватки стремительно удалялись: собачки бежали резво. Воин народа снегов короткими рывками подтягивал аркан к саням. Плоское узкоглазое лицо его оказалось неожиданно тёмным, загорелым. Лоснящуюся кожу усеивали крупные капли пота. Девушка бешено извивалась, стремясь вырваться из объятий сыромятной петли, но аркан держал крепко.

– Гыт… Нырулк'ин… – прохрипел поймавший её; в уголке рта выступила кровь.

Перед глазами замаячили круги: аркан давил на грудь с такой силой, что дышать сделалось совсем невозможно… «Ну уж нет!» – Ласка яростно рванулась вверх из затягивающего её багрового омута… Напрасный труд – сознание уходило, уплывало куда-то. Девушка ещё чувствовала, как её затаскивают в сани, а потом всё исчезло.

Она пришла в себя от холода. Сани неслись сквозь пургу. Ремень аркана опутывал ноги и туловище. Совсем рядом маячила спина похитителя. «Вот так, сцапал, словно песец куропатку… Теперь – плен…». Совсем некстати вспомнились истории о попавших в рабство к снежным племенам. Участь таких бедолаг была незавидной. «Ну, ничего, мы ещё поборемся… Нож! У меня же есть нож!». Небольшой, но дьявольски острый ножик был сродни тем, что носили женщины народа снегов. Неуставной предмет девушка прятала на поясе, под шинелью – к счастью, нижние пуговицы во время этой безумной гонки оборвались. Изловчившись, Ласка нащупала рукоять и потянула клинок из ножен. Только бы этот гад не обернулся! Зацепить аркан с первого раза не получилось. Подавив внезапный приступ паники, она впилась зубами в жесткую, пахнущую дымом сыромять, слегка сдвинула ремень и чиркнула по нему лезвием, раз и другой… Хватка внезапно ослабла. Стараясь двигаться как можно осторожнее, Ласка сбросила с плеч петлю. Теперь предстояло разделаться с похитителем. Девушка в сомнении бросила взгляд на клинок. Больно мал… «Значит, надо ткнуть его в горло – точно и быстро!». Не давая себе больше времени на раздумья, она резко села, рванула врага за плечо, коротко замахиваясь…

Воин народа снегов повалился на спину, словно куль муки – и остался лежать. Неподвижный взгляд его упёрся в зенит. Струйка крови, сочащаяся изо рта, успела замёрзнуть, превратившись в тёмно-красную сосульку. «Это же я его» – поняла Ласка. «Я в него попала». Желудок вдруг болезненно сжался, что-то скользнуло вверх по пищеводу… Девушка ухватилась за спинку саней и с отвращением выплюнула горячий комок желчи. Её начала бить дрожь.

Здоровенные ездовые собаки бодро уносили нарты вглубь Снежной Страны. «Похоже, они знают дорогу, или как-то чуют её…» – подумала Ласка, немного успокоившись. «Наверняка возвращаются к стойбищу; но мне-то совсем туда не надо! Как ими управляют?».

– Сто-ой! А ну, стой! – окрик вышел жалким, ветер подхватил слова у самых губ и унес прочь. Ни одна из пушистых бестий даже не обернулась, они продолжали упорно нестись вперёд, выдыхая облачка пара. Ласка огляделась – и вдруг заметила среди поклажи своё оружие. Не придумав ничего лучше, она схватила винтовку и изо всех сил вдавила приклад в сугроб, но он тут же зацепился за что-то. Ладонь обжигающе-больно резануло мушкой, и оружие, выдрав клок рукавицы, ускользнуло. Страх остаться беззащитной затмил прочие соображения, и девушка выпрыгнула из саней. В следующий миг разогнавшаяся упряжка исчезла из виду. С некоторым удивлением Ласка отметила, что снег под её рукой становится красным. Опасаясь худшего, она стянула намокшую от крови рукавицу. Ладонь пересекала рваная ранка – неглубокая, ничего страшного… Пальцы шевелятся, это главное. Ласка нашарила в сугробе оружие, очистила его от снега. В ствол, к счастью, не набилось… Девушка вытащила из подсумка патроны, зарядила винтовку и дополнила пустые гнезда газырей. «Ну вот, нашим легче. Если держаться следа, найду дорогу». Но санная колея скоро закончилась: ветер заметал следы с поспешностью опытного убийцы. Некоторое время Ласка брела наугад – ей казалось, дорога ещё различима; но вскоре стало ясно, что она заблудилась.

Белёсая муть колыхалась со всех сторон. В такую погоду можно двигаться в любом направлении – и даже не замечать, что ходишь кругами: твои следы тут же заносит, не оставляя никаких ориентиров. Ласка закусила губу. Дело оборачивалось скверно. Заплутать среди уральских отрогов в снегопад означало умереть, причём очень скоро: ледяной ветер выпьет слабое тепло человеческого тела, и ты просто уснёшь. Помнится, мама рассказывала про дом, который можно слепить из снега и переждать в нём непогоду… Увы! Подробностей этой истории Ласка не помнила – она была ещё слишком маленькой, когда…. Оставался только один вариант – брести наугад и надеяться, что направление выбрано верно. Через некоторое время сквозь снежную круговерть проступили тёмные силуэты. Ласка остановилась в нерешительности. Скалы… Беспорядочное нагромождение базальтовых глыб – где это? Вблизи Крепости она ориентировалась неплохо, но такого места не помнила. Очевидно, она пробыла без сознания достаточно долго… Что ж, лучше камни, чем голая равнина, решила Ласка. Меж них можно спрятаться от ветра... Наверное. Когда отряд вернётся, в Крепости дадут сирену для отставших – если повезёт, она её услышит…

Найти укрытие было не так-то просто. Камни словно издевались – многочисленные глыбы вроде бы сулили защиту, на деле же нисколько не препятствуя ледяным порывам. Силы быстро таяли. Наконец, ей удалось отыскать место, где дуло слабее. Девушка устроилась под нависающей скалой, положила винтовку на колени и спрятала раненую руку за пазуху. «Интересно, сколько времени прошло? Полчаса? Час? Больше? Скоро ли наши доберутся обратно?». Вьюга разгулялась не на шутку. Снег постепенно заносил маленькую съёжившуюся фигурку. Ласку стало клонить в сон. Холод уже почти не чувствовался. «Вот так и замерзают» – пришло ей в голову. «Занесёт снегом с головой, и всё… Весной только оттаешь: скелетик с остатками мяса, в шинелишке да с ружьём… По нему и опознают, ежели раньше зверьё по косточкам не растащит». Картина эта вдруг представилась девушке во всех малоаппетитных подробностях. Видение было настолько явственным, что вытолкнуло её из сонной апатии. «Ну уж нет! Умереть вот так было бы чертовски глупо! Надо что-то делать!». Мысль эта, безусловно, была правильной – но существовала почему-то отдельно: к возможности шевельнуть рукой или ногой она не имела ни малейшего отношения. Это несколько озадачило Ласку: до сих пор ей не доводилось ощущать собственное тело, как нечто обособленное от неё самой. Девушка сердито нахмурилась и попыталась встать. Ничего не получилось, лишь где-то глубоко внутри, казалось, побежали тоненькие щекотливые цепочки пузырьков… Ласка моргнула. Хорошо хоть, веки слушаются… Но что это? В пурге вдруг замаячил тёмный силуэт. Вспыхнула радость – и тут же сменилась страхом: человек шел прямо к ней, и на нём был анорак – одежда аборигенов! Ласка в отчаянии заворочалась, пытаясь направить на незнакомца ствол.

– Не надо бояться, – прозвучал из-под отороченного мехом капюшона глуховатый голос. – Я не причиню вреда.

Девушка немного успокоилась. Речь и произношение незнакомца были совсем не такими, как у обитателей Снежной Страны.

– Вставай, – продолжал он. – Здесь ты замёрзнешь.

Тело по-прежнему не слушалось. Похоже, я разучилась ходить, растерянно подумала Ласка. Что за напасть! Странный человек, очевидно, сообразил, в чём дело. Он с лёгкостью поднял её и перекинул через плечо – словно скатку шинели.

– Ничего, – подбодрил незнакомец. – Скоро будет лучше. Есть тут пещера, совсем рядом…

«Рядом» оказалось гораздо дальше, чем предполагала девушка. Незнакомец пробирался сквозь снежные наносы, будто маленький паровоз. Вход в пещеру был расположен так хитро, что его нельзя было различить даже с пяти шагов. Непонятно, каким образом её спаситель нашел это место, но по сравнению с последним убежищем Ласки здесь было куда как лучше. Возле входа намело здоровенный, до плеч, сугроб – зато в глубине снега почти не было, а главное – не было ветра! Сделав над собой усилие, Ласка сползла с плеча незнакомца. Её провожатый завозился в полутьме. Чиркнула спичка, и посреди пещеры затеплился самый настоящий керосиновый фонарь – «летучая мышь». Ласка с опасливым любопытством разглядывала своего спасителя. На вид ему было что-то около сорока. Невысокий, почти как здешние инородцы, но не кряжистый – напротив, узкоплечий. И не поверишь, что такой может с лёгкостью торить дорогу в снегах, да ещё с сотней фунтов живого груза на плече. Смотри-ка, даже не запыхался! Одет, как кочевники Снежной Страны… Разве что анорак без племенной вышивки. А лицо вот совсем другое, ни за что не спутаешь: узкое, выдающиеся скулы и впалые щеки, нос с чуть заметной горбинкой... Хищное личико-то, а вот улыбка совсем с ним не вяжется: озорная, будто у мальчишки… Глаз не разглядеть: капюшон мешает. Кто же он такой, интересно… Незнакомец меж тем извлёк из-за пазухи флягу, протянул её девушке.

– Вот, глотни-ка…

Ласка послушно сделала глоток – и замерла от удовольствия: благоухающая пряными ароматами жидкость вспыхнула во рту огненно-сладким цветком и моментально разбежалась по жилам. Это было восхитительно: холод и апатия стремительно отступили, в голове прояснилось. Ласка внезапно обнаружила, что её винтовка перекочевала к незнакомцу – тот с интересом вертел оружие в руках.

– Никак не пойму, что за система… Вроде, «Бердана второй нумер» – а вроде и нет?

– Отдай! – прозвучало это не слишком грозно; но странный человек тут же протянул оружие Ласке.

Девушка положила винтовку на колени. Конечно, будь на её месте вахмистр – взял бы, не мудрствуя лукаво, этого типа на мушку, да вытянул бы из него всю подноготную… Но целиться в того, кто только что тебя спас, было как-то… Невежливо, что ли? Во всяком случае, Ласка не могла поступить таким образом. Конечно, прояви тот враждебные намерения – тогда другое дело…

– Это «светловка». Наша, уральская конструкция – затвор надежнее... Все порубежники с такими ходят.

– Интересное решение! – живо отозвался собеседник. – Значит, ты порубежница? Наверное, служишь в Крепости?

Ласка прикусила язык. Не стоило так уж доверять незнакомцу, и вообще…

– А кто ты? И откуда?

– Путешественник. Гражданин Британской Империи… Впрочем, это не моя родина, – улыбнулся собеседник.

«Врёт». Ласка сдвинула брови: незнакомец, похоже, насмехался над ней.

– Я не лгу. Одёжка у меня и впрямь как у кочевников – так ведь другая здесь не годится, замерзнешь… А про Крепость наслышан, конечно – от снежных племён. Это ведь, можно сказать, форпост цивилизации в здешних диких краях… Кстати, позволь представиться – меня зовут Озорник.

– Это имя такое или прозвище? – недоверчиво поинтересовалась Ласка. Ей никак не удавалось заглянуть в глаза собеседника – тот сидел совсем рядом, но спутанные волосы и тень от капюшона скрывали верхнюю часть лица.

– Это я, - усмехнулся незнакомец. – Имя, прозвище – какая разница… Ну, а ты? С кем свела меня судьба в этом негостеприимном краю?

– Ласка, – буркнула девушка. – Зверь такой есть, знаешь? Ласка Светлова.

– Интересно… – задумчиво протянул Озорник. – Готов поспорить, что твои отец или мать были родом из Снежной Страны – там не редкость подобные имена: Горностай, Волк, Куропатка… А тебя в детстве наверняка звали Маленькая Ласка; до Ласки ты сократила уже сама. Постой-ка… Скорее всего, местной была твоя мать – отец-то из военных Крепости, верно? Чтобы девушке дозволено было надеть форму и взять в руки оружие, случай небывалый… Своего рода признание заслуг... Его заслуг. Возможно даже, он погиб; если так – наверняка геройски, исполняя свой долг… И гарнизон Крепости сделался для тебя новой семьёй.

Ласка поперхнулась. Этот донельзя странный тип по одному только имени смог узнать историю всей её жизни! И всё это – путём простейших рассуждений…

– Ты что же, про любого можешь так… Угадать? – глуповато спросила девушка.

Озорник внезапно расхохотался.

– Нет, конечно! Но с тобой я попал в точку, верно? Судя по изумлённому выражению твоего милого личика… Ты только не сердись, – торопливо добавил он. – Манеры мои, увы, оставляют желать лучшего. Я слишком долго путешествую по негостеприимной земле Сибирии и успел отвыкнуть от так называемой цивилизации… Видишь ли, я учёный, исследователь. И подобного рода умозаключения составляют часть моей работы.

– Значит, путешествуешь? – Ласке показалось, что она поймала собеседника на лжи. – Наверное, кочуешь с каким-нибудь племенем?

– Нет, я, как бы это сказать – сам по себе…

– Тогда почему ты до сих пор жив?! – резко спросила девушка. – Люди снегов имеют привычку обращать чужаков в рабство! А если они окажутся хорошими воинами, тем хуже – их смерть будет долгой и страшной… По этим законам живут все племена Снежной Страны!

– В общем, ты права, так и есть, – кивнул Озорник. – Но со мной особый случай… Меня они считают не человеком, а кем-то вроде духа.

– Да ну? С чего бы это? – недоверчиво усмехнулась девушка.

Озорник снял капюшон и откинул со лба спутанные волосы. Ласка невольно отшатнулась: левый глаз его был угольно-черным, без белка и радужки; и там, в бездонной глубине, фосфоресцировал бледно-зелёным огнём непонятный знак: то ли буква, то ли иероглиф…

– Стекляшка, – Озорник тряхнул головой, и спутанные волосы вновь закрыли жуткое зрелище. – Но на неподготовленных производит весьма угнетающее впечатление. Чего уж говорить о суеверных дикарях…

– Теперь я вижу: ты своё прозвище получил недаром… – протянула девушка. Озорник рассмеялся.

– Есть такое дело! Ладно, надо бы заняться транспортом.

«Каким транспортом?» – удивилась Ласка. Озорник поднял «летучую мышь», шагнул вглубь пещеры – и то, что прежде казалось девушке бесформенным нагромождением камней, внезапно обрело черты. Машина была донельзя странной: тёмное дерево, стянутое медными полосами, полированная сталь, кожаное, похожее на конское, седло – и великолепные витые

рога горного тура, приспособленные в качестве руля… Стояло это чудо на трёх широких полозьях. Озорник завозился возле машины, позвякивая металлом.

– Котёл приходится сливать всякий раз, как только топка гаснет – иначе замёрзшая вода мигом разорвёт бак, – пояснил он. – Внизу есть краник. Кстати, из-за этой особенности жители Снежной Страны считали мою машину живой… И очень потешались над странным зверем, который не может пописать без посторонней помощи.

– На чём она работает?! И как ездит – вон то колесо с лопатками, оно что, загребает снег?! А как ты собираешься заливать туда воду?! – вопросы Ласки посыпались, словно из рога изобилия. Озорник шутливо поднял руки.

– Постой, не так быстро! Работает на любом топливе… Паровой котёл открывается – вот так, видишь? Я могу набить его снегом или кусками льда, растопить их – а потом достаточно захлопнуть крышку и завернуть вентили. Что касается лопаточного колеса – да, это и есть движитель, ты совершенно права… Знаешь, я изумлён. Чтобы девушка так интересовалась устройством машин…

– Можешь не гадать, – буркнула Ласка. – Мой отец был главным инженером Крепости; от него я и научилась всему, что знаю.

– Был?

– Он погиб во время последней войны… Тогда ордынцы стояли у самых стен, и если бы не папа – их кавалерия прорвалась бы через перевал в Уральское Атаманство…

– Понимаю… И сочувствую, – собеседник склонил голову.

В пещере воцарилась тишина.

– Смотри-ка, метель стихает, – нарушил молчание Озорник. – Можно потихоньку раскочегаривать двигатель. Дело небыстрое; к тому времени, думаю, ветер малость уляжется.

– Я могу тебе чем-нибудь помочь? – Ласке хотелось изучить чудную машину, но Озорник понял её по-своему.

– Почему бы и нет, – новый знакомец порылся в грузовом отсеке небывалого механизма и передал Ласке небольшую лопату. – Ты могла бы расчистить проход.

Метель, действительно, вскоре прекратилась. Редкие снежинки всё ещё падали с неба, но дали очистились. Девушка, закинув винтовку за спину, бесстрашно вскарабкалась на высокий обломок скалы – и разглядела на горизонте столбы дыма и пара, тянущиеся к лиловому вечернему небу. «Крепость… Далеко же меня завезли собачки! Вряд ли я добралась бы обратно в пургу, даже если бы знала точное направление!».

Внизу Озорник выкатил из пещеры своего механического коня. Из двух коротких, скошенных назад труб валил густой дым. Фонарь – «летучая мышь» был теперь укреплен на развилке руля; его свет заставлял снег сверкать и искриться.

– Могу себе представить, как себя чувствуют жители Снежной Страны, когда ты подъезжаешь к их стойбищу! – задорно крикнула Ласка.

– О да, это незабываемое зрелище! – усмехнулся Озорник. – Из чумов выскакивает всё племя, женщины визжат от страха, мужчины хватаются за оружие… И вот, наконец, вперёд выходит шаман. Если удаётся с ним поладить – считай, дело в шляпе. Я представляюсь духом, посланным в помощь его народу, и намекаю, что радушный приём принесёт племени удачу…

– Да ты, мил человек, авантюрист! – фыркнула девушка.

– Ну почему же… Мне ведь не так уж много надо – остаться в живых, получить кров и пищу, приготовить топливо для моей лошадки… И я за всё честно расплачиваюсь.

– Чем же это?

– Когда как… Даю полезные советы, лечу хворых, чиню всякие вещи – я довольно ловок в этом…

– Неужели на тебя ни разу не осмеливались напасть? – поинтересовалась Ласка, спустившись с утёса.

– Ни разу… Должно быть, я очень везучий! – усмехнулся собеседник.

– Понятно… И куда ты теперь?

– Отвезу тебя в Крепость, а там видно будет… – Озорник достал из-за пазухи чёрную тряпицу и повязал голову, прикрыв своё жуткое око. – Знаешь, у меня к тебе будет просьба: не рассказывай никому про мой глаз, хорошо? Не люблю, когда люди обсуждают это… Давай, устраивайся сзади. Будешь подсказывать направление.

Чудной механизм разгонялся медленно. Сначала он еле полз, пыхтя и выбрасывая облачка пара – но постепенно движение становилось всё быстрее и быстрее. Чёрные утёсы и синие барханы сугробов величаво уплывали назад. Минут через десять их скорость уже не уступила бы самой быстрой собачей упряжке. Колючие искры снега жалили щёки Ласки. Машина Озорника и впрямь напоминала диковинного зверя: двигатель пыхтел и постукивал – равномерно, словно сердце. Упругое кожаное седло было тёплым: очевидно, одна из паровых магистралей хитроумного механизма использовалась для его подогрева. Крепость приближалась. Быстро темнело, но девушка не сомневалась, что часовые заметили их: яркая точка керосинового фонаря в снежной пустыне должна быть видна издали. Ожидания не подвели её: вспыхнувшие прожектора заключили бегущий по снегам аппарат в перекрестие лучей.

– Ты бы помахала им, что ли, – с беспокойством заметил Озорник. – А то ещё дадут по нам залп… Так, на всякий случай.

– Ну, это вряд ли! – хмыкнула Ласка, но всё же последовала совету спутника и поприветствовала невидимых часовых. Один из прожекторов замигал: теперь девушка была уверена, что её опознали.

***

– Давайте всё же внесём ясность, полковник, – улыбнулся Озорник. – Кто я – гость или пленник?

Полковник Шолт-Норт вздохнул.

– Поймите меня правильно, господин, гм, Озорник… Уральское Атаманство – страна небольшая. А по ту сторону хребта – Орда, Поволжский директорат и ещё с полдюжины не слишком-то дружественных государств… Единственная причина, по которой мы ещё не стали добычей алчных соседей – это Крепость. Здесь, на перевале, мы можем сдерживать их армии сколь угодно долго: крепостные пушки – гарант суверенитета моей страны… Увы, гарант практически единственный. А я, будучи комендантом, обязан обеспечивать неприкосновенность этих стен, любыми доступными методами… Особенно теперь, когда мы со дня на день ожидаем вторжения.

– Что ж… – понимающе склонил голову Озорник. – На вашем месте я и сам бы с подозрением отнёсся к искателю приключений, путешествующему на странной машине по просторам Сибири… Вот сейчас вы наверняка задаётесь вопросом: а не шпион ли этот малый? Да и само нападение на патрульный отряд…

– Ну, подобное здесь не редкость, – усмехнулся полковник. – Дикари, к сожалению, понимают только один язык – язык силы. Стычки случаются по нескольку раз за год… Даже «мирные» племена, те, что ведут с нами торговлю, время от времени посылают воинов испытать на прочность наши ряды… Как правило, патрулям хватает пары добрых ружейных залпов, чтобы отбить охоту к подобным эскападам… На некоторое время. Однако вы правы: если без обиняков, ваша личность представляется мне весьма странной и загадочной. Учёный, изобретатель, путешественник… И то, с каким упорством вы не желаете назвать своё подлинное имя… Нет-нет, я не настаиваю! Но это весьма необычно, понимаете? И поэтому настораживает…

– Стало быть, всё-таки пленник… – сокрушенно вздохнул Озорник.

– Гость, – поправил полковник. – Гость, свобода передвижения которого слегка ограничена, не более.

– Другими словами, выйти за пределы Крепости я не могу?

– Пока, увы – нет…

– Какая ирония! – рассмеялся вдруг Озорник. – Подумать только… Очутиться на острие противостоящих друг другу государств… И это после долгих месяцев вполне безмятежного существования в краю, который большинство образованных людей, не сговариваясь, считают дикарским и смертельно опасным! Вот так возвращение к цивилизации!

– Таковы реалии, – развёл руками Шолт-Норт. – Наша основная проблема – Орда. Уже не в первый раз татары пытаются завладеть уральскими территориями…

– Это что, одна из тех распрей, где претензии каждой из сторон уходят вглубь времён?

– Увы, всё гораздо проще. Причина нынешнего конфликта – руды и уголь… Месторождения Орды скудеют с каждым годом. О, их вполне хватило бы для собственных нужд – ещё на многие десятилетия; но наш сосед весьма активно продаёт богатства своих недр Британской Империи.

– Значит, Орда вынуждена будет расплачиваться уральскими железом и медью за военные кредиты…

– Для начала, нас ещё надо завоевать! – сурово сдвинул брови Шолт-Норт. – Это не так-то просто, смею уверить… За последнее столетие этот перевал штурмовали четырежды – и каждый раз враги умывались кровью.

– Но тогда за ними не стояла мощь имперской военной машины… – тихонько возразил Озорник.

– Не думаю, что Британия снизойдёт до прямой интервенции, – губы полковника скривились в презрительной усмешке. – Тут может вмешаться Московия, и тогда сам черт не скажет, чем это всё обернётся…

– Что ж, пожалуй… Могу я, с вашего позволения, воспользоваться здешней механической мастерской? Хотелось бы слегка отремонтировать моё средство передвижения, заодно внести некоторые изменения в конструкцию…

– Разумеется… – кивнул полковник. – Я распоряжусь.

По возвращении в Крепость у Ласки практически не осталось свободного времени. Офицеры вдруг стали невероятно требовательны: учебные стрельбы, строевая, чистка и ремонт амуниции занимали весь день, от подъёма до отбоя. Никто не роптал: приносимые телеграфом вести с каждым днём становились всё тревожнее. Торговые операции были заморожены. Дорога через перевал опустела. Грязная каша из растаявшего снега и угольной пыли, ежедневно перемалываемая колёсами подвод, покрылась девственно-белой пеленой – и было в этой непорочной чистоте что-то призрачное, нереальное… Последними, нарушившими белизну снегов, стали казаки горнострелкового батальона. Новоприбывших расквартировали, и в Крепости сразу сделалось многолюдно. Хозяева с интересом рассматривали вооружение гостей: у тех были новые московитские винтовки с магазином на пять патронов.

– Ты уж звиняй, но ваши-то «мосинкам» не чета! – втолковывал Ласке один из новоприбывших, молодой казак с русым чубом, залихватски торчащим из-под папахи. – Эвон, смотри: затвор передёрнул, и стреляй снова; да я скольких вражин, почитай, з*а*раз хлопну! А с этой, старой, покуда вошкаешься…

Девушка хмурилась: конструкция «светловки», простая и надежная, была делом рук её отца – как, впрочем, и многое другое…

***

Орда в открытую перебрасывала войска к границе. Военачальники не торопились: в мощную оптику можно было различить приготовления. К перевалу подтягивали железнодорожную ветку: шпалоукладчики на конной тяге работали в три смены, днём и ночью подвозили рельсы – благо, каменистая почва предгорий позволяла обходиться без насыпей. Полковник

Шолт-Норт ничего не мог сделать. Дальнобойность крепостной артиллерии оставляла желать лучшего. Орудия эти предназначались для защиты перевала и могли вести поистине шквальный огонь, однако – лишь на коротких дистанциях. Но даже будь иначе, защитникам оставалось лишь молча наблюдать за неумолимой поступью рока: чёткие и недвусмысленные приказы ставки запрещали открывать стрельбу первыми. «Атаман наш знает…» – словно заклинание, шептал себе полковник строчку из песни. Шолт-Норт и офицеры теперь большую часть времени проводили на крепостных стенах, наблюдая за развёртыванием сил противника.

– Какие новости, полковник? – раздался как-то утром за спиной полковника знакомый голос. Шолт-Норт оторвал воспалённые бессонницей глаза от окуляра армейского телескопа.

– А, господин Озорник… Желаете взглянуть?

– Оч-чень любопытно… – Озорник, в свой черёд, припал к оптике. – Скажите, полковник, вы не заметили ничего странного? Вон там, слева от палаточного лагеря?

– Вы о кранах? Должно быть, собираются разгружать артиллерию…

– Возможно, возможно… Однако тяжелые орудия представляются мне малоэффективными. Со стороны ордынцев Крепость надёжно защищена скалами, здесь повсюду – сплошной базальт… К тому же, стрелять придётся снизу вверх. В таких условиях эффективнее всего горные пушки, согласны? Их можно быстро перетащить на выгодные позиции.

– К чему вы клоните? – полковник смотрел на собеседника с неприкрытым интересом.

– Лёгкие орудия не требуют специальной техники для разгрузки. Достаточно сделать наклонный пандус, и солдаты легко справятся с этой задачей. Значит, краны предназначены для чего-то ещё… Для чего-то, весьма тяжелого – и способного одолеть перевал.

– Имеете в виду самоходные боевые машины? – Шолт-Норт невесело усмехнулся. – В дни моей молодости татары были вооружены фитильными ружьями, а кто победнее – и вовсе луками да стрелами…

– Времена меняются, полковник. Сами видите, нынче войска Орды мало чем уступают какой-нибудь европейской армии; касательно же машин… Думаю, с чем-то в таком роде нам и предстоит столкнуться…

– Нам? – поднял бровь полковник.

– Ну… Вашей волей я тоже сделался одним из защитников Крепости, – пожал плечами Озорник. – Глупо было бы пытаться, гм, сохранить нейтралитет...

– А если я отпущу вас? – полковник продолжал сверлить его взглядом. – Прямо сейчас?

– Поздновато… – усмехнулся Озорник. – В Уральском Атаманстве мне делать нечего, изыскания в Сибири завершены, а чтобы вернуться в Империю, я неминуемо должен пересечь земли Орды… Где меня немедленно схватят как возможного шпиона и вообще крайне подозрительного типа; а когда я выйду из застенков и выйду ли вообще – бог весть… Эта война так некстати случилась!

– Войны всегда некстати, знаете ли…

Повисло молчание.

– Ещё дня четыре, – нарушил затянувшуюся паузу Озорник.

– Вы так считаете?

– Да, вряд ли меньше. Думаю, они подведут рельсы так близко, как только возможно. У самоходных боевых машин не столь уж большой ресурс, а ведь они наверняка планируют использовать их при завоевании Атаманства, когда Крепость падёт.

– Вы подозрительно много знаете об их планах… – задумчиво молвил Шолт-Норт.

– Я умею мыслить логически и выстраивать рассуждения, только и всего, – пожал плечами Озорник. – Ну, ещё неплохо разбираюсь в различных механизмах. Этого вполне достаточно, чтобы предсказать дальнейший ход кампании.

– Недурной механик, говорите? – полковник остро глянул на собеседника. – Что ж, возможно, я найду применение вашим талантам… Идёмте.

Наверху рассерженной кошкой шипела паровая лебёдка. Клеть грузового лифта с лязганьем проплывала мимо скудно освещённых ярусов. Сочащийся сыростью камень чередовался с клёпаным металлом; покрытые зеленоватыми пятнами коррозии трубы змеились во всех направлениях, словно лозы дикого винограда.

– Любопытно… – пробормотал себе под нос Озорник.

– Что вы говорите?

– Нет, это я так… Просто интересно, каково это – годами жить здесь.

– Крепость – хорошее место, – твёрдо ответил полковник. – Островок спокойствия и безопасности во враждебном мире… Можете при случае расспросить Ласку – девочка рождена в этих стенах, для неё здесь настоящий дом.

– Я не видел её уже несколько дней…

– Это поправимо, – Шолт-Норт сдержанно улыбнулся. – Думаю, я смогу устроить вам встречу…

Клеть, лязгнув в последний раз, остановилась. Озорник с интересом осмотрелся. Этот ярус отличался от предыдущих – прежде всего, высотой потолков. Скудные огоньки ламп мерцали вдоль прохода. Полковник толкнул обитую железом дверь.

– Прошу…

– Вот это да! – вырвалось у Озорника.

Они вышли на галерею, опоясывающую огромную рукотворную пещеру. Внизу вовсю шла работа: шипел пар, летели искры, под бодрый перестук молотков вгрызались в металл напильники – а по периметру зала возвышались исполинские, закованные в сталь рыцари. Доспехи тускло отсвечивали в полутьме: казалось, один из титанов вот-вот шевельнётся, поднимет меч…

– Впечатляет, верно? – голос полковника гулко отдавался под сводами. – Семь рыцарей Атаманства, семь её легендарных защитников… Ещё в стародавние годы Урал славился мастерством своих инженеров!

– Боевые машины… Да с таким отрядом можно остановить на перевале кого угодно!

– Увы! К сожалению, на сегодняшний день в состоянии функционировать лишь две из них, да и то после хорошего ремонта… В том и проблема: у нас нет специалистов, способных восстановить эти механизмы.

– Я бы не отказался взглянуть, что у этих колоссов внутри! Слушайте, полковник, я ничего не могу обещать, но если это в моих силах, то…

– Что ж, я на это и рассчитывал, по правде говоря, – Шолт-Норт подобрал с пола разводной ключ, шагнул к ограждающим галерею перилам и постучал исполинского рыцаря по шлему.

– Кому там делать нечего?!! – приглушенный вопль донёсся откуда-то из глубин железного монстра; голос принадлежал Ласке.

– Оператор Светлова, доложите ход ремонтных работ! – с шутливой строгостью приказал полковник.

Забрало шлема откинулось, и из него выглянула перепачканная угольной пылью и машинным маслом девушка.

– Виновата, господин полковник! Пытаюсь отрегулировать гироскопическую систему; не могу понять, что с ней…

– Я привёл тебе подмогу. Господин Озорник, видите каптёрку? Там можно переодеться; боюсь, работа вам предстоит не слишком чистая…

Озорник приветливо улыбнулся Ласке и удалился в указанном направлении. Дождавшись, когда захлопнется дверь, Шолт-Норт перегнулся через перила и негромко бросил:

– Приглядывай за ним, Светлова.

…– Да в чём же тут дело! – возмущённо воскликнула Ласка спустя час. Девушка в раздражении стукнула разводным ключом по бронзовому корпусу гироскопа; металл отозвался басовитым звоном. – Он словно заколдован!

– Первое правило механика – никакой мистики, – отозвался Озорник. – Если не получается – значит, мы что-то упустили… Знаешь, я не думаю, что проблема в равновесной системе; скорее – барахлит опорно-двигательная часть. Давай-ка я ещё раз спущусь и проверю. У меня под большим подозрением возвратная пружина стопы. Поршни ходят ровно, суставы мы с тобой перебрали и смазали, так что…

– Возвратную пружину я лично поменяла, – возразила девушка. – Это вообще первое, что я сделала: старая давно лопнула…

– А, вот, значит, в чём дело! – оживился Озорник. – Бьюсь об заклад, ты и не подумала уравнять натяжение в правой и левой ноге, а? Неудивительно, что он прихрамывает! Ну-ка, где там динамометр…

Ласка насупилась: в словах напарника ей послышался упрёк. «Самый умный, значит! Что ж, он и впрямь здорово разбирается в разных механизмах… Но это ещё не повод задирать нос! К тому же, полковник не зря велел мне приглядывать за ним…».

– У нас есть два пути, – сообщил меж тем Озорник из недр механического монстра. – Первый – изготовить обе пружины заново. Имей мы в запасе хотя бы гарантированных дней десять, я бы так и поступил. Это несложно, всё необходимое в Крепости имеется – сталь, горн, паровые молоты… Но времени как раз нет. Так что единственное разумное решение – подкрутить регулятор новой пружины… Вернее – слегка увеличить натяг правой и немного отпустить левую. Думаю, это сработает. Дай-ка, пожалуйста, ключ на четырнадцать…

– Так что, мы сможем испытать его прямо сейчас?

– Да, пожалуй… Только узнай сперва, чисто ли в небе.

Последнее действительно было отнюдь не лишним: над перевалом уже дважды проплывал разведывательный дирижабль. Разглядеть с его борта то, что творилось во дворе Крепости, не составляло труда; и по приказу Шолт-Норта туда подвели несколько трубопроводов, соединив их с одним из крепостных котлов. В случае необходимости полковник рассчитывал скрыть все приготовления плотной завесой пара.

Пламя в топке весело гудело. Ласка вскарабкалась по узенькой лестнице и заняла место в полом шлеме рыцаря, за рычагами управления. Озорник принялся отсоединять вытяжку.

– Скоро ты там? – поинтересовалась девушка; ей не терпелось стронуть огромный механизм с места.

– Почти закончил… – напарник запрыгнул внутрь. – Всё, двинули!

Девушка нажала педаль. Закованная в сталь нога многотонного исполина поднялась и с лязгом опустилась на каменный пол. Кабину плавно качнуло. Шаг. Ещё один. Ещё. Клапаны с шипением выплёвывают облачка пара, от нагретого котла волнами поднимается тепло, запахи угля, металла и смазки сливаются в восхитительный аромат работающего механизма, знакомый с детства … Вперёд, по узкому проходу, навстречу солнечному свету и снегу. Поскрипывает кожаное сидение, сквозь дырчатый металл веет холодным ветром. Вот и плац: требовательные приказные внимательно следят, чтобы казаки, получившие этот наряд, не оставили ни клочка снега. Выйти на середину, остановиться. Присесть – слаженно щелкают коленные суставы, торс опускается практически вертикально: гироскопическая система работает отлично. Теперь – встать, руки в стороны, вперёд, вверх… Выхватить меч – широкий и длинный, прокованный паровыми молотами клинок защитника Крепости. Руки Ласки так и летают: каждый жест – комбинация точных скупых движений, перемещение рычагов, нажатие педалей, повороты рукояток; танец тела, доступный лишь прирождённому оператору. Меч описывает дугу – сверху вниз, потом справа налево – и наоборот. Прямой крест, косой крест, выпад, восьмёрка… Свистит рассекаемый наточенной сталью воздух.

– Отлично, просто отлично! – азартно приговаривает Озорник. – Удивительная техника, такая вычурная и сложная – и настолько подвижная! Впрочем, здесь наверняка немалую роль играет дирижер, управляющий всем этим оркестром… Сколько тебе пришлось учиться?

– Долго! Не отвлекай! – Ласка слилась с громадой рыцарской машины; голос Озорника – словно назойливая муха, бьющаяся о стекло где-то неподалёку. Ещё один выпад… Ещё… Так, давление падает, пора подбросить очередную порцию угля… Нет, всё. Хватит. Пора возвращаться…

За работой время летит незаметно. Ремонтные бригады довели до ума двух механических рыцарей и возились с третьим, когда на всех уровнях Крепости взвыли сирены. «Началось» – поняла Ласка. Сердце вдруг ухнуло куда-то вниз, затрепыхалось испуганной птицей… Из недр механизма вылез Озорник, вытирая руки ветошью.

– Четыре дня, как я и говорил… – задумчиво бросил он.

– Внимание! Механикам – держать боевые машины под парами! Сотникам подняться на крепостную стену! – прокатилось по пещере. – Приказ полковника!

Озорник внезапно ухмыльнулся и подмигнул Ласке.

– Я не сотник, конечно… Но больно уж хочется взглянуть.

– Господа, попрошу к телескопам, – в голосе полковника слышались тревожные нотки. – Вот наш противник…

Ветра не было. С серого неба падали редкие снежинки – и безмятежность зимнего утра резко контрастировала с тем, что творилось по ту сторону границы. Ордынцы подвели железнодорожную ветку как можно ближе к перевалу. Всю её, сколько хватало глаз, занимали воинские эшелоны. С платформ сгружали неуклюжую технику, а вдали, почти сливаясь со снежной пеленой, маячила пузатая туша дирижабля. Там тоже шли работы: людские фигурки, похожие с такого расстояния на муравьёв, суетились возле странной конструкции. Колонны кавалерии растянулись на многие вёрсты. Над равниной висели клубы угольного дыма и пара. Приведённая в движение мощь подавляла: казалось немыслимым сдержать всю эту армаду силами гарнизона Крепости. Шолт-Норт, заметив побледневшие лица соратников, принялся отдавать распоряжения. Это подействовало: люди выходили из ступора, их движения обретали точность и осмысленность.

– Они наверняка планируют начать с артподготовки: недаром подогнали бронепоезд. Потом, судя по всему – очередь тех странных самоходных машин … Не понимаю, на что они рассчитывают. Серьёзного урона их орудия нанести не смогут, а наша артиллерия сметёт весь этот железный хлам, как только он окажется в пределах досягаемости…

– Возможно, планы татар тоньше, чем вы полагаете, полковник, – знакомый, чуть насмешливый голос заставил Шолт-Норта обернуться.

– Разве вам не положено находиться при машинах, господин Озорник?

– Я ведь вольнонаёмный, а не казак, – пожал плечами тот. – Впрочем, не извольте беспокоиться: за рыцарями хорошо приглядывают… Вы не берёте в расчет их дирижабль? Похоже, он не зря здесь болтается…

– Бомбардировка либо десант, – раздраженно отмахнулся Шолт-Норт. – В любом случае, стоит им снизиться – и наша картечь превратит чёртову штуковину в дуршлаг.

– Хорошо, коли так… – пробормотал Озорник. – Вы знаете, что там за механизмы?

– Эти, неуклюжие гусеничные ползуны? Первый раз вижу.

– А я вот – не в первый… Это не военные машины, во всяком случае – изначально. В Империи они используются для инженерных работ. Но эти явно тяжелее – похожи на горнодобывающее оборудование. Должно быть, Орда закупила партию, а потом переоборудовала для военных нужд. Вот только каким образом?

– Придёт срок, узнаем, – хмыкнул полковник. – Не думаю, что они будут долго тянуть с выступлением. А теперь я настоятельно рекомендовал бы вам отправляться вниз… Скоро здесь станет очень жарко.

Белые ракеты взлетели в нескольких местах одновременно, и тотчас окутались паром ряды ордынских самоходок, пришли в движение, стронулись с места, обманчиво-медленно поползли к перевалу. Пора было уходить со стены, но Шолт-Норт всё медлил, приникнув к оптике. Лишь когда задвигались тяжелые орудия бронепоезда, меняя угол наклона, полковник заставил себя спуститься в убежище. Здесь, под надёжной защитой камня и стали, располагался командный центр – сердце Крепости. Наблюдатели заняли свои места у перископов.

– Орудиям главного калибра – взять под прицел горловину! Без приказа огонь не открывать! Зенитные пушки – залп по любой воздушной цели в пределах досягаемости, далее – по готовности… – одна за другой команды проваливались в эбонитовые воронки переговорных устройств, скользили по медным кишкам звуковых магистралей, врывались в орудийные казематы. Крепость замерла в напряженном ожидании первого выстрела – и он не заставил себя ждать.

Орудия бронепоезда выплюнули длинные полотнища огня. Раздался нарастающий свист. Он был слышен даже здесь, в толще скал – многочисленные трубы неплохо проводили звук… Все вздрогнули – но разрывы были на удивление слабыми, вдобавок ни один из снарядов не попал в Крепость! Следующий залп тоже не нанёс фортификациям ни малейшего вреда. Офицеры удивлённо переглянулись.

– Дым в ущелье! – крикнул один из наблюдателей, не отрывая глаз от окуляров перископа. – Много дыма!

Бронепоезд продолжал пальбу. Вражеские артиллеристы перенесли прицел: теперь снаряды рвались между перевалом и колоннами наступающей техники.

– Хотят спрятаться за дымовой завесой, – хмыкнул Шолт-Норт. – Толку-то… Нам не обязательно видеть их, чтобы разнести в клочья.

Первые ряды машин нырнули в густое облако. Одновременно снялся с прикола дирижабль и взял курс на Крепость. Его облегчили, насколько это было возможно, оставив лишь машинное отделение и крохотную, с нужник, рубку управления. Место пассажирской гондолы занимал тёмный округлый предмет, формой несколько напоминающий редьку. В верхней части его торчали короткие патрубки; валящий из них дым марал оболочку дирижабля сажей. Стоило воздушному судну приблизиться, как зазвучала канонада зенитных батарей. Снаряды их рвались с сухим частым треском, рассеивая в небе чугунные виноградины шрапнели; баллон дирижабля тотчас покрылся десятками мелких дыр – но продолжал упорно ползти вперёд, теряя высоту. Ему давно уже полагалось взорваться, но огонь почему-то не спешил пожрать небесного левиафана – и как только воздушный гигант оказался над Крепостью, шарообразный предмет отделился от него и рухнул вниз, таща за собой шлейф угасающих искр.

Острый конец «редьки» пробил верхние перекрытия; спустя мгновение сработали автоматические клапаны. Перегретый пар смертельной волной рванулся из бомбы наружу, выжигая на своём пути всё живое. Дико кричали казаки в капонирах – они сварились заживо, так и не успев сделать ни единого выстрела по врагу. Вредоносная субстанция опаляющим валом прокатилась по коридорам и галереям Крепости, проникла на нижние уровни…

Когда это случилось, Ласка и Озорник находились вне механического рыцаря. Девушка даже не успела понять, что происходит: железная дверь вдруг грянула о стену, и прямо на неё покатилось пухлое, стремительно расширяющееся облако… Озорник, прервав на полуслове очередную байку, вдруг бросился на девушку, перехватил её поперёк талии и рванулся в каптёрку. Руки его показались Ласке стальными балками: захват был настолько силён, что из лёгких разом выдавился весь воздух… Они успели в последний миг. Озорник захлопнул дверь и вскрикнул от боли: прорвавшийся в замочную скважину пар обжег-таки ему руку. На их сча-

стье, помещение оказалось практически герметичным: маленький домик внутри рукотворной пещеры был возведён с военной педантичностью, все щели проконопатили на совесть. Железная хватка Озорника ослабела. Ласка рухнула на пол, хватая воздух ртом, словно рыба. Лишь спустя минуту ей удалось восстановить дыхание.

– Что… Это… Было?!

– Пар, – бросил Озорник. – Перегретый пар. Я уже видел такое однажды… На корабле, которым я плыл, взорвался котёл. Мне повезло – выбросило за борт, а там хватило ума не выныривать на поверхность, пока не отплыл подальше от раскалённого облака… Все, кто вдохнул его, умерли. Я тебя сильно ушиб? Извини, не было времени объяснять…

– Жить буду… – проворчала Ласка. – А ты, оказывается, силач. Вот уж не подумала бы… У тебя рука красная. И на щеке…

– Обварило немного. Ерунда, заживёт… Вот тем, кто остался снаружи, не позавидуешь.

– Ребята! – Ласка вскочила. – Они же…

– Стой! Им уже ничем не поможешь, – глаз Озорника угрюмо сверкнул. – Не надо открывать, переждём ещё минуту-другую… Пусть остынет.

Девушка села на пол и обхватила колени руками. Произошедшее не укладывалось у неё в голове. Как же так, они ведь только что разговаривали, смеялись, Петрик отпускал шуточки из недр рыцаря…

– Странная вещь вода, верно? – Озорник, морщась, рассматривал свой ожог. – Она то твёрдая, как камень, то прохладная и текучая, то обжигает, будто огонь… И при том гасит любое пламя. Самая загадочная субстанция нашего мира – но даже лучшие умы редко задумываются об этом, довольствуясь её использованием в примитивных, в общем-то, устройствах…

– Замолчи, а? – попросила Ласка.

Воцарилась тишина. Спустя некоторое время Озорник осторожно приоткрыл дверь.

– Можно выходить… Только прихвати лампу.

В пещере висел густой, горячий туман. Пахло железом, сыростью и погашенными фитилями: волна пара задула все светильники. Слышно было, как гудит пламя в топках машин, да ещё какой-то непонятный звук раздавался совсем близко – не то тихое покашливание, не то икота. Спутник Ласки поднял лампу повыше, и девушка вздрогнула: на полу лежало, слабо подёргиваясь, человеческое тело. Озорник склонился над ним.

– Вдохнул пар… Всё, ему уже ничем не поможешь.

Ласка несмело шагнула к лежащему.

– Лучше не смотри, – предупредил Озорник.

Из глубин механического рыцаря вдруг послышалась возня, металлический лязг, сдавленные проклятия… Ласка бросилась к нему, залезла внутрь шлема-кабины…

– Петрик, я здесь! Как ты?!

– Не знаю… – сдавленным голосом откликнулся механик. – Обожгло сильно… Посвети, а? Ничего не вижу…

– Озорник, неси скорее лампу! Петрик, держись, я помогу тебе…

Неяркий огонёк высветил тёмный провал люка. Ласка не удержалась и вскрикнула от ужаса. Кожа механика была багровой, на лбу и щеках она полопалась, обнажив голое мясо – и с этого жуткого лица на неё смотрели абсолютно белые глаза – белые, словно варёное яйцо…

– Ласка, эй, ты чего там возишься? Огонь запали, не видно же ни черта! – прохрипел Петрик, слепо таращась на девушку.

Чудовищное оружие ордынцев нанесло защитникам Крепости страшные потери – но всё же не столь сокрушительные, как могло показаться вначале. Основной удар приняли на себя верхние горизонты и частично – батареи главного калибра; но у Шолт-Норта было кем заменить орудийную прислугу. Уральцы ответили огнём, дав нестройный залп наугад, в дымовую завесу – и поразили несколько самоходных машин врага. Но часть всё же сумела прорваться

и оказалась в слепой зоне, возле самых стен. Сверху тотчас полетели ручные бомбы; но технику врага они остановить не смогли. Машины выдвинули длинные хоботы буров; закалённый металл вгрызся в камень.

***

– Почему никто не отвечает?! Где дежурный?! – вестовой, потный и злой, ворвался в пещеру.

– Оглянись вокруг! Здесь только мы остались… – огрызнулась Ласка.

– Оператор Светлова, разговорчики! К полковнику, живо!

– Доложите обстановку! – бросил Шолт-Норт, едва за девушкой захлопнулась дверь.

– Экипажи рыцарских машин… – Ласка сглотнула, – выведены из строя. Все обожжены, некоторые – смертельно… Мы спаслись чудом…

– Мы – это кто?! – перебил полковник.

– Я… И Озорник. Он успел втолкнуть меня…

– Подробности после! – отмахнулся Шолт-Норт. – Мы должны сорвать этот штурм во что бы то ни стало! Тебе придётся совершить невозможное, девочка. Найди кого-нибудь на место механика – и вперёд!

– Можно, я возьму Озорника? Он управится даже лучше, чем большинство наших…

– Хорошо! Вот, держи… – полковник сунул руку за отворот кителя и достал что-то из внутреннего кармана. Это был кургузый двуствольный пистолет – маленький, но внушительного калибра.

– На случай, если что-то пойдёт не так… Давай, оператор Светлова, покажи им, чего стоит рыцарская машинерия Урала!

Возвращаясь в пещеру, девушка ломала голову – сможет ли она уговорить Озорника на участие в вылазке? В конце концов, это не его война, он – учёный, исследователь… По крайней мере, сам он так говорит… Ласка нащупала в кармане холодный металл оружия. Сможет ли она воспользоваться им, если Озорник окажется вражьим лазутчиком? Ведь что ни говори, он уже дважды спас её от смерти…

В пещере стоял горький угольный чад. Гофрированный хобот вытяжки был отсоединен от шлема рыцарской машины, и из короткой трубы на его макушке валили густые клубы дыма

– Чего так долго?! – нетерпеливо воскликнул Озорник. – Давай скорее! Этот парень жаждет хорошей драки!

– Выходит, тебя и упрашивать не придётся? – в голосе девушки послышалось невольное облегчение.

Озорник ухмыльнулся.

– Было бы забавно, но у нас нет на это времени! Не могу же я упустить такую замечательную возможность! Всегда мечтал стать большим, как дом – и надрать всем задницы!!!

– Тогда на вот, держи! – Ласка подобрала с пола оброненную кем-то папаху, сорвала с неё кокарду и кинула Озорнику. Тот ловко поймал её на лету.

– Зачем мне это?

– Прикрепи к одежде! Теперь ты – воин Уральского Атаманства!

– Как скажешь… – Озорник пристроил скалящегося волка на грудь. – Ого! Это что, всамделишнее серебро?

– Ну да… – Ласка запрыгнула в кабину, с лязгом хлопнула забралом. – У всех солдат Крепости такие, чему ты удивляешься?

– Серебро у солдат… Что ж, теперь понятно, отчего Орда так рвётся завоевать вас… – с этими словами Озорник скользнул вниз, к паровому котлу.

***

Положение защитников Крепости ещё нельзя было назвать отчаянным; тем не менее, татары частично преуспели в своих начинаниях. Их боевые машины, закрепившись в не простреливаемой крепостными орудиями зоне, начали бурить стену. Огонь винтовок и митральез не причинил стальным гигантам ощутимого вреда; даже ручные бомбы, казалось, бесполезны против них. Стремясь развить успех, командование врага двинуло вперёд традиционную ударную силу Орды – кавалерию. Конные сотни ныряли в дымовую завесу; лица солдат и морды коней защищали кожаные маски с выпуклыми, словно глаза земноводных, стёклами очков и длинными гуттаперчевыми хоботами, идущими к гофрированным цилиндрам фильтров. Орудия Крепости молчали; но тут из дымовой завесы, словно воплощенное возмездие, шагнул гигантский рыцарь. Серебрились пластины доспехов, шипел пар, из короткой трубы в шлеме бил в небеса высокий плюмаж дыма – и яростно скалилась с нагрудника волчья голова, символ Уральского Атаманства. Взлетел и опустился исполинский меч. Ордынская машина медленно закружилась на одном месте, потеряв гусеницу. Следующая получила пробоину панциря. Меч задел паровой котёл; и экипаж буквально сварился заживо внутри металлической оболочки.

В кабине рыцаря стоял скрежет и лязг. Брызгало масло, шипел пар. Ласка слилась с огромным механизмом в единое целое: повинуясь движениям её рук, клинок рубил гусеницы, вминал панцири, крушил сложную машинерию двигательных систем...

– Шайтан-батыр! Шайтан-батыр! – истошно визжал чей-то голос снаружи. Ордынцы в упор лупили по стальному гиганту из карабинов, самые отчаянные на всём скаку пытались подрубить ему ноги саблями... «Теперь я знаю, что чувствует мышь, если её посадить в казанок, закрыть крышкой и лупцевать металл шомполами!» – подумала девушка. Ни одна пуля, впрочем, не достигла цели: доспех знаменитой уральской стали могла пробить только артиллерия, а попасть в оператора сквозь прорези забрала не получалось из-за высоты рыцаря. С крепостных стен затрещали митральезы. Воздух наполнился взвизгами рикошетов. Кавалерия дрогнула и откатилась назад. Ласка зарубила ещё две самоходки. Уцелевшие скарабеи пошли на таран, стремясь повалить рыцаря; но это было не так-то просто. Защитник Крепости продолжал сеять разрушения. Мудрость древних механиков Урала и мастерство оператора брали верх над имперской техникой и расчетами ордынского командования. Но начавшие эту войну не могли допустить срыва великих планов; было у них средство и на такой маловероятный случай…

Над полем брани взвилась сигнальная ракета, залив на миг картину разрушений гнойно-желтым светом – и над позициями ордынских войск поднялся ещё один воздушный корабль. Он был несколько меньше своего собрата-бомбардировщика, чья продырявленная туша нашла последнее пристанище среди отрогов Уральского хребта, да и форму имел совершенно другую. Сильно приплюснутый, ромбовидный баллон делал его похожим на громадного клопа. Множество вынесенных на кронштейнах пропеллеров сообщали дирижаблю значительную скорость. Очевидно, до поры воздушное судно было спрятано в овраге и замаскировано: для наблюдателей Крепости его появление стало настоящим сюрпризом. Дирижабль шел быстро и очень низко, над самой землёй; он немного набрал высоту, лишь непосредственно подойдя к перевалу. Стволы орудий зашевелились, ловя в прицел угловатый контур; но в этот момент с борта дирижабля дали красную ракету. Спустя пару мгновений скалы сотрясла серия быстрых вспышек. Заряды, заложенные ордынскими бронеходами, связывал тонкий кабель. Подрыв был осуществлён виртуозно: целый пласт камня отделился от монолита, в теле которого гнездилась Крепость, увлекая за собой орудия главного калибра. Батарея, защищавшая перевал, перестала существовать. Клубы дыма и пыли совершенно скрыли из виду воздушный корабль.

Взрывная волна ударила рыцарскую машину подобно исполинской оплеухе. Ласке потребовалось всё её мастерство, чтобы удержать огромный механизм от падения, и ей удалось справиться с этой задачей – рыцарь опустился на одно колено, упёрся клинком в землю, но не рухнул. С оглушительным лязгом били по доспехам падающие с неба камни. В нескольких

аршинах от рыцаря неуклюже ворочалась ордынская самоходка. Стиснув зубы, Ласка потянула рычаги. Где-то внизу протестующе заскрежетал металл; но рыцарь поднялся на ноги и шагнул вперёд под каменным градом. Меч ударил поперёк панциря, ещё раз и ещё… Вражья машина выбросила из всех отверстий и сочленений густые клубы пара и затихла.

В тот же миг на рыцаря пала густая тень. Лязгнули захваты, посыпались вниз чугунные чушки балласта, натужно взвыли воздушные винты... Ласка не сразу поняла, что произошло: земля вдруг уплыла из-под ног гиганта, а машинерия перестала её слушаться. Скрипели и лязгали стальные мослы, один за другим срабатывали предохранительные клапаны, уменьшая давление в котле. Повеяло холодным ветром – после дыма и гари сражения он показался удивительно сладким… В отверстии шейного колодца показалось перемазанное угольной пылью лицо Озорника.

– Не старайся, бесполезно…

– Какого дьявола?! – бросила сквозь зубы девушка, продолжая терзать рычаги управления.

– Ты ещё не поняла? Нас подняли в воздух, – напарник невесело усмехнулся. – Собственно, им сейчас достаточно разжать захваты – и наша машина превратится в груду хлама… Вместе с нами, естественно.

– Тогда почему они этого не делают?

– Может, хотят подняться повыше, чтобы наверняка… – Озорник сдвинул на лоб глазную повязку, обнажив своё жуткое чёрное око с зелёным иероглифом в глубине. – А может, у них на наш счет есть какие-то планы.

Ласка откинула забрало и выглянула наружу. Они уже набрали порядочную высоту: проплывающие внизу пехотные части Орды, пушки, железнодорожные составы казались игрушками, забытыми детворой на снегу. Тихонько посвистывал ветер.

– Как думаешь, стоит слить кипяток из котла? – нарушила молчание девушка. – По крайней мере, не сваримся заживо, если они всё-таки решат нас бросить…

Озорник покачал головой.

– Уверяю тебя, при падении с такой высоты нет абсолютно никакой разницы.

***

– Ну же, мисс! Не стоит постоянно ходить с таким личиком, будто ты только что слопала лимон. Поверь, детка, куда лучше быть гостьей на моём корабле… Я б даже сказал, желанной гостьей, чем находиться в гуще сражения! Можешь не сомневаться, там сейчас стоит ад кромешный… – капитан звучно отхлебнул из бокала и рыгнул.

Ласка опустила глаза. Мистера Стерлинга определенно нельзя было назвать джентльменом. Скулы сводило от ненависти к этому жирному ублюдку... Говорили здесь на бритиш; к немалому своему удивлению, девушка обнаружила, что понимает почти всё из сказанного – хотя и с некоторой задержкой. Бритиш, официальный язык Империи, на котором составлялась почти вся техническая документация, был обязательным предметом для любого, кто хотел выучиться на инженера или механика. Теперь же он обрёл плоть и кровь – надо было лишь припомнить значение некоторых слов…

Потная туша капитана с самого начала вызвала у неё неудержимое отвращение, а не смотреть на правую руку этого воздушного пирата было попросту невозможно… Рука как таковая чуть ниже локтя отсутствовала. Из обрезанного рукава высовывался жуткого вида протез: гротескная клешня из воронёной стали и бронзы. Хитроумная механика заставляла её сжиматься и разжиматься: для этого возле самого локтя торчало несколько коротких рычагов. Стерлинг управлялся своей конечностью мастерски: за столом его культя буквально порхала между блюдами, чудом, казалось, не задевая бокалов и тарелок. Поесть капитан любил...

Обращались с ними не так уж плохо. У Ласки забрали висевший на поясе ножик, но обыскивать не стали – по крайней мере на это галантности воздушных флибустьеров хватило; так что подаренный полковником пистолет девушке удалось сберечь. Разумеется, о том, чтобы покинуть дирижабль, не могло быть и речи. «Буканьер» неторопливо плыл на запад, и с каждой пройденной верстой Ласка становилась всё мрачнее: достаточно было подумать, чем для неё обернётся дорога через все эти земли… Озорника, казалось, это ничуть не беспокоило. Да и то сказать: ему-то какая нужда возвращаться? Отправится, небось, в свою Империю – он ведь туда и держал путь…

Одноглазый спутник Ласки вовсе не выглядел удручённым. Он с видимым удовольствием попивал предложенный Стерлингом бренди, охотно отвечал на вопросы, интересовался последними новостями Империи – словом, вёл себя так, будто заскочил на огонёк к хорошему знакомому. Девушка вспоминала, как подкупила её саму такая вот непринуждённая манера общения. Выходит, это просто его тактика: змеёй вползать в доверие, располагать людей к себе… Каков же он на самом деле, человек, настоящего имени которого она так до сих пор и не узнала?

– Стало быть, Империя избегает напрямую вмешиваться в войну? Однако поставки Орде боевых машин как-то не укладываются в эту картину… Да и ваши действия, если быть откровенным…

– Ба, да я не имею никакого отношения к имперскому воздушному флоту! «Буканьер» – он сам по себе… Мы вольные искатели приключений! – тут капитан Стерлинг заговорщицки подмигнул. – Ну что за беда, если бедные воздухоплаватели нарушат пару-другую статей международного права? Касаемо этого вашего рыцаря – дружище, мои действия вовсе не обязательно интерпретировать, как враждебные! Любопытство, не более того. Обожаю всякие механические штуки – ну, да ты и сам видишь! – капитан потряс в воздухе протезом и хохотнул. – Если помните, наш корабль не сделал ни единого выстрела по уральцам; да и вам мы не повредили, напротив – выдернули из самого пекла… Что касается техники, это же самые обыкновенные инженерные машины!

– Инженерные?! Как бы не так! – в сердцах воскликнула Ласка. – Они разрушили Крепость! Если б не вы, я уничтожила бы все эти проклятые механизмы, до единого! – девушка стиснула кулаки. – Вы отняли у Атаманства его свободу!

– Ерунда, мисс! – добродушно отмахнулся Стерлинг. – Не забывай, эта ваша Крепость и так уже была серьёзно повреждена. Орде оставалось только подтянуть на перевал артиллерию и довершить начатое. А рыцарь… Одно-единственное попадание в паровой котёл, и фью-у-у! Твоё нежное тельце ошпарило бы, как рождественскую гусыню!

Ласка с трудом подавила порыв – вмазать со всех сил кулаком в эту лоснящуюся физиономию, дробя в крошево крепкие желтоватые зубы капитана… Ох, как было бы здорово! Но нет, увы, приходится сдерживаться… Теперь главное – не выдать себя и дождаться подходящего случая для побега.

– Да и дьявол бы с ней, с этой политикой! – продолжал меж тем капитан. – Давайте лучше поговорим о науке! Не так уж часто мне приходится делить трапезу с по-настоящему умным человеком. Так чего ради ты морозил задницу в этих диких горах?

– Я возвращался из Сиберии, – поправил Озорник. – И в землях Атаманства оказался, в общем-то, случайно… Если честно, мне сложно объяснить суть моих изысканий. Это очень специфичная область знаний, к тому же все мои записи, вкупе с остальными вещами, остались в Крепости…

– Мои соболезнования… – Стерлинг зажал в клацнувших пальцах протеза нож и ловко отрезал кусок солонины. – Не самое приятное занятие – целыми днями корпеть над бумажками, чтобы в конце концов потерять их!

– Ну, зачем же «потерять». Основное всё равно содержится вот здесь, – Озорник постучал себя по лбу. – У меня отличная память: карты, данные измерений, маршруты… Со временем я восстановлю свои записи до последней строчки; надо лишь сосредоточиться!

– Так что б тебе не заняться этой хренью прямо здесь? Будь я проклят, если на моей посудине не найдётся чернил и бумаги! – Стерлинг экспрессивно взмахнул протезом. – Вспоминай, твори в своё удовольствие, дружище! Где ты ещё сыщешь тишину и покой, как не здесь!

Ласку захлестнула волна отвращения. Эти двое удивительно быстро нашли общий язык... Озорнику, похоже, наплевать, что там, на перевале, их вчерашние товарищи погибают один за другим! Небось, захвати сейчас этот проклятый дирижабль какие-нибудь негодяи, он бы и с ними так же якшался… Сидел бы, попивал бренди и равнодушно смотрел, как команду выбрасывают за борт! Ещё и перешучивался бы с разбойниками… Девушка резко встала.

– Неужто так быстро наелась, голуба? – густые брови капитана удивлённо изогнулись.

– Мигрень разыгралась, – буркнула девушка. – Пойду прилягу.

– Да брось! Какая ещё мигрень у такой молоденькой…

Очередную сальность капитана Ласка не расслышала. Дверь за девушкой захлопнулась.

– Какова засранка! – капитан похабно подмигнул Озорнику. – Небось, и в постели вертится змейкой, а?

Одноглазый невозмутимо пожал плечами.

Каюты им выделили рядом. Ласка упала на застеленную койку, мрачно уставилась в потолок. Снаружи гудели пропеллеры: звука почти не было, но еле заметная вибрация передавалась всем предметам. Спустя какое-то время в дверь постучали. Девушка нехотя села, пригладила пятернёй короткие волосы.

– Войдите!

Появился Озорник. При виде компаньона Ласка набрала полную грудь воздуха, готовясь высказать этому двуличному типу всё, что о нём думает, но тот вдруг повёл себя странно: прижал палец к губам и одарил её многозначительным взглядом. Девушка непонимающе нахмурилась.

– Как твоя мигрень? – осведомился меж тем Озорник.

– Никак! – короткое слово прозвучало, пожалуй, чересчур грубо, но Ласка и не собиралась быть вежливой!

– Всё ещё мучает? – понимающе кивнул компаньон. – Знаешь, это от духоты, наверное. Тебе стоит подышать свежим воздухом. Здесь есть обзорная палуба, давай прогуляемся… – при этих словах Озорник вновь посмотрел на девушку и заговорщицки подмигнул.

Обзорная палуба представляла собой узкую полосу настила, тянущуюся вдоль корпуса гондолы. От пустоты за бортом отделяли лишь тонкие перила ограждения. Здесь шум пропеллеров был громче – словно они стояли рядом с ульем, полным рассерженных пчёл. Впрочем, разговаривать это не мешало.

– Давай сразу поставим всё на свои места, – заявил Озорник. – Мне бы не хотелось, чтобы ты смотрела на меня, как на предателя.

– А как ещё мне на тебя смотреть!? – вскинулась девушка.

– Знаешь, я считал тебя умнее. Мы оказались в плену у неприятеля, и нет никаких разумных причин осложнять себе жизнь!

– Это для меня они – враги! А вот для тебя – не знаю кто! – раскрасневшаяся от злости Ласка сердито уставилась на Озорника. Тот ответил ей спокойным взглядом.

– Для меня тоже. И в куда большей степени, чем ты думаешь.

– Да неужто?!

– Именно так. Скажи-ка, ты понимаешь, кто именно напал на ваше Атаманство?

– Орда, кто же ещё! Ну… При подстрекательстве Империи, – тоном ниже добавила девушка, поскольку Озорник продолжал выжидающе смотреть на неё.

– Значит, при подстрекательстве… Что ж, уже лучше, но ты всё ещё далека от истины. Татарам, по большому счету, эта война была ни к чему. Слишком высока цена победы – а выгоды при ближайшем рассмотрении теряют изрядную долю своей привлекательности. Уверяю тебя, это был долгий, кропотливый и целенаправленный труд – убедить хана и нойонов Орды…

– Откуда ты всё это знаешь? – Ласка невольно заинтересовалась словами Озорника.

– Потому что я очень хорошо разбираюсь, что и как работает. И не только в плане механизмов. Но если ты думаешь, будто во всём виновата Империя, ты снова ошибаешься.

– Как это? – удивилась девушка. – Ты же сам только что объяснил мне…

– Если некто ударил тебя дубинкой – виновата ли дубинка в том, что тебе больно, а? Так вот, Британская Империя – это очень большая и очень эффективная дубинка…

– В руках Императрицы Виктории?

Озорник пренебрежительно отмахнулся.

– Нет, императрица – фигура номинальная… Ну, почти номинальная. Кукла в богатом платье, выставленная напоказ. Те, кто на самом деле правит миром, очень не любят публичности.

– Ну, и кто они? Альбионская аристократия?

– Ты всё ещё не понимаешь… У них нет ни родины, ни национальной принадлежности; они разбросаны по всему миру… Ну, чуть больше, чем где-то ещё, их в маленькой Швейцарии, вдали от всяческих войн и катаклизмов.

Ласка не нашлась, что сказать в ответ. Сказанное этим странным человеком не то чтобы напрочь смело привычную и понятную картину мира, скорее, показало её в новом, непривычном ракурсе… И от этого почему-то становилось особенно неуютно.

– Кто же «они» такие? – нарушила затянувшееся молчание девушка. – И зачем… Для чего им эта война?

– Это Семьи. Кланы. Богатейшие люди нашего мира. Маги финансов, волшебники банковских махинаций, чародеи ценных бумаг. Они всё время в тени: таким богатством уже не имеет смысла кичиться, оно вообще за гранью понимания обычного человека… Это Власть, Ласка. Квинтэссенция Власти. А цель любой власти проста: контроль. Контроль и воспроизводство самой себя, то есть – извлечение прибыли. Войны – самое выгодное из всех предприятий нашего мира.

– Добраться бы до них… – Ласка до боли в пальцах стиснула поручень. – Я бы своими руками…

– Это непросто. У них лучшая в мире защита и маскировка. Ударишь наугад – попадёшь в пустоту… А станешь докапываться до истины – тебя уберут прежде, чем ты хотя бы приблизишься к тайне.

– Неужто ничего нельзя сделать?!

– Ну почему же. Можно. Но действовать придётся с величайшей осторожностью, и путь может занять долгие годы… Цена высока, Маленькая Ласка Светлова. Кому это и знать, как не мне.

– Так значит, ты…

– Именно. Однако сейчас перед нами стоит куда более простая задача: остаться в живых ближайшие несколько дней.

– В живых?! Что ты хочешь этим сказать?

– Только то, что капитан Стерлинг – отнюдь не тот рубаха-парень, каковым весьма неуклюже пытается прикинуться, – усмехнулся Озорник.

***

«Буканьер» шел на запад. Под брюхом дирижабля неторопливо проплывали лоскутные одеяла полей, щетки лесов, нити трактов и железных дорог. Несколько раз Ласка видела большие города – с такой высоты люди на улицах казались не больше муравьёв. Капитан Стерлинг, вопреки опасениям Озорника, по-прежнему проявлял некое подобие грубоватого радушия. Разумеется, Ласка не перестала считать его врагом, но… Почему бы, например, не воспользоваться случаем и не расспросить о конструкции дирижабля?

– Чёрт меня возьми, это действительно необычное корыто! – как и предполагала девушка, капитан был неравнодушен к своему кораблю. – Это даже не дирижабль в привычном понимании; «Буканьер» – экспериментальный корабль… Слыхала когда-нибудь такое: «легче воздуха» и «тяжелее воздуха»?

– Это вечный спор воздухоплавателей: какой тип конструкции предпочесть… – вмешался Озорник.

– Ага. И здесь мы имеем лучшее от тех и других, будь я проклят! Газовый баллон у нас небольшой: сам по себе он не может удержать корабль в воздухе, зато облегчает вес… А отрыв от земли обеспечивает тяга вертикальных воздушных винтов.

На все технические вопросы Стерлинг отвечал охотно. Ободренная успехом, Ласка решила затронуть их с Озорником дальнейшую судьбу.

– Хо-хо! Давайте считать, что я пригласил вас обоих в путешествие! Посмотреть чудеса Империи и сопредельных стран… Согласны?

Под пристальным взглядом капитана Ласке вдруг сделалось неуютно. Стерлинг улыбался – но только ртом: голубые, навыкате, глаза его смотрели пронзительно и настороженно.

– Ну хорошо… А что потом? – хрипловато поинтересовалась Ласка.

– О, потом мы что-нибудь придумаем! – улыбка Стерлинга стала шире. – Такая милая крошка непременно будет иметь успех в Альбионе.… Ну, не надо сразу грозно хмурить бровки!

В тот же день Ласка обнаружила нечто крайне любопытное. Один из листов обшивки в её каютке отставал, и из щели неприятно тянуло холодом. Как на зло, сквозняк был возле самой койки; девушка попыталась заткнуть щель найденным клочком ветоши – и внезапно услыхала гулкие голоса.

– Значит, вы хотите оставить послание без ответа? – Ласка узнала скрипучий баритон первого помощника Гибсона; она часто видела этого хмурого долговязого типа в обществе капитана.

– Брюс, ты знаешь мои чертовы принципы! – второй голос явно принадлежал капитану; и Ласка, затаив дыхание, принялась осторожно расширять щель. Вскоре источник звуков сделался понятен: в этом месте пролегали переговорные трубы, ведущие из рубки в машинное отделение.

– Я и пальцем не шевельну, если дело не сулит ясной и недвусмысленной выгоды… Покуда они не догадаются хорошенько тряхнуть мошной, наша позиция по данному вопросу будет оставаться туманной. Прими это к сведению.

– Слушаюсь, сэр. Но эти господа, в свою очередь, весьма прозрачно намекали на свою близость к императорскому двору…

– Ба! Для старушки Викки мы и так сделали довольно: фактически выиграли эту маленькую войну! Причем рискуя собственной задницей: промедли чертовы татары с подрывом – крепостная артиллерия разнесла бы нас в клочья… Знаешь, я хочу довезти эту чудо-машину в целости и сохранности: в Империи такая стоит уйму деньжищ!

Голоса сделались невнятными: очевидно, эти двое отошли от переговорной консоли. Девушка вся обратилась в слух, но беседа на том и закончилась.

Улучив момент, Ласка поведала о своём открытии Озорнику – и с тех пор они часами, сменяя друг друга, прислушивались к происходящему в рубке. Команда, естественно, заме-

тила, что одноглазый предпочитает проводить время в каюте своей спутницы; но двусмысленное подмигивание и похабные ухмылки оба стойко игнорировали – и вот, наконец, им улыбнулась удача.

– По расчетам штурмана, сегодня ночью мы пересекаем воздушные границы Империи… Вы уже решили дальнейшую судьбу наших… Э-э… Гостей? – последние слова Гибсон произнёс с лёгким нажимом.

– Пока нет, – после недолгого молчания откликнулся Стерлинг. – К чему спешить? У нас ещё уйма времени, не так ли?

–Будет куда лучше, если неопознанные трупы найдут на варварских землях.

У Ласки перехватило дыхание.

– Не будьте столь кровожадным, мистер Гибсон… – усмехнулся Стерлинг.

– Вы положили глаз на девчонку, верно? Однако успех нашего дела может оказаться под угрозой: что, если об этой истории пронюхают газетчики…

– Позволь-ка *мне* судить о таких вещах! – в голосе капитана неожиданно прорезался металл.

– Виноват, сэр…

– Маленькая вертихвостка и в самом деле очаровательна, – сказал Стерлинг уже мягче. – Такая непосредственность! И ты прав, чёрт возьми: я не прочь насадить эту бабочку на свою булавку… Но меня куда больше беспокоит наш второй гость.

– Одноглазый механик? Ну-у… В принципе, с ним мог бы произойти несчастный случай… – задумчиво протянул Гибсон. – Он любит гулять по обзорной палубе… А девчонку вовсе необязательно отпускать с «Буканьера».

– Он никакой не механик, заруби себе на носу, Брюс. И не учёный… Хотя вполне допускаю, что и учёный, и механик – в числе прочего… Дьявол! Этот тип не даёт мне покоя. Есть в нём нечто… Странное, мать его. И я хочу разобраться – что.

– Так почему бы не устроить допрос? Нам уже доводилось развязывать языки…

– Да хотя бы потому, что он может оказаться человеком Форейн Офис.

Гибсон, похоже, сильно удивился.

– Разведчик?! Но, в таком случае, почему он не попросил у нас содействия?!

– С какой стати? Для него мы – авантюристы, каперы под флагом Её Императорского Величества, не более… К тому же, я могу и ошибаться.

Собеседники замолчали.

– А не лучше ли передать этого типа в руки имперской контрразведки? – сказал вдруг Гибсон. – Пускай они разбираются, кто он и что.

– Ха! Об этом я как-то не подумал! – откликнулся Стерлинг. – В самом деле, это снимает все возможные проблемы… Если он работает на правительство, мы лишний раз подтвердим, что являемся верными слугами Её Императорского Величества…

– Полагаю, мы в любом случае заработаем пару очков. Если вы уверены, что этот тип – не тот, за кого себя выдаёт…

– О, в этом я уверен вполне. Значит, вопрос можно считать решенным.

– Что же касается девчонки…

– Я лично позабочусь об этой крошке! – самодовольно заявил Стерлинг.

Ласка вдруг ясно представила себе выражение лица капитана, сальную улыбочку на его отвратительной жирной физиономии… «Пристрелю!!!» Девушка, задыхаясь от ярости, стиснула кулаки. Озорник нащупал её плечо, сжал предупредительно: «Тихо! Ни звука!». Малопомалу Ласка успокоилась.

– Пожалуй, всё, что надо, мы узнали, – сказал Озорник во время очередной прогулки. – Пришло время покинуть «Буканьер».

– Как? Броситься за борт? – саркастически усмехнулась девушка.

– Именно так, – серьёзно кивнул Озорник. – Ты слышала когда-нибудь о прыгунах с монгольфьеров?

Ласка на секунду задумалась.

– С матерчатым куполом?

– Да, шелковый купол в ранце. Развлечение склонных к чрезмерному риску джентльменов… Или бедолаг, очутившихся на терпящем крушение воздушном корабле. Насколько знаю, этими штуками комплектуют нынче все дирижабли.

– Но я никогда…

– Я тоже. Придётся рискнуть, – Озорник проницательно посмотрел на девушку. – Не струсишь?

– Вот ещё! – зло сверкнула глазами Ласка. – Я казачка!

– Значит, решено; бежим сегодня ночью. А сейчас поспи немного. Силы тебе понадобятся, – подытожил Озорник.

Вернувшись в каюту, Ласка упала на свою койку. Мысли роились в голове, словно песчинки в струях родника – вспыхивали искорками и тут же гасли, уступая место другим… «Не засну!» – подумала девушка… И почти сразу погрузилась в сон.

***

Он разбудил её затемно. Чуть слышно жужжали моторы; это был единственный звук в тишине. Озорник приоткрыл дверь и выглянул в коридор.

– Никого нет, – прошептал он. – Нам надо попасть на нижнюю палубу: ранцы наверняка припрятаны там.

– Откуда знаешь?

– Логика. Аварийные люки находятся в днище гондолы, верно? Значит, спасательные средства должны быть поблизости.

Коридоры воздушного корабля были пусты. Девушка и её спутник беспрепятственно спустились по трапу вниз. Шум работающих механизмов слышался здесь явственнее. По потолку тянулись ряды труб, решетчатые конструкции, образующие каркас гондолы, казались в скудном, сочащемся из машинного отделения свете костями допотопного монстра. Озорник осмотрелся.

– Ага, так я и знал! Вот они висят, наши пропуска на волю… – тихонько пробормотал он.

– Уже покидаете нас? – раздался вдруг знакомый голос.

Ласка вздрогнула от неожиданности. Дверь машинного отделения открылась, и капитан Стерлинг, пригнувшись, чтоб не задеть низкую притолоку, шагнул им навстречу.

– Не смеем больше злоупотреблять вашим гостеприимством! – в тон ему ответил Озорник.

– Я как знал… – Стерлинг потянул рычаг на своём протезе – и стальные пальцы с лязгом сжались в кулак. – Бессонница, чтоб её…

Озорник двинулся навстречу капитану. Походка его вдруг сделалась мягкой, кошачьей – словно у готовящегося к прыжку зверя... Стерлинг, прислоняясь к переборке, с улыбочкой глядел на него – и вдруг, сорвавшись с места, бросился вперёд. Ласка даже вздрогнула – она никак не ожидала от этой грузной туши подобной стремительности! Железный кулак просвистел в воздухе; удар был нанесён с такой силой, что капитана развернуло – но цели своей он не достиг. За миг до этого Озорник сделал нырок вперёд, проскользнув под рукой своего противника – и нанёс ему два коротких удара, в горло и в живот. Лицо Стерлинга исказила гримаса боли. Он рухнул на колени, одновременно пытаясь достать Озорника, но опять не попал – протез

врезался в металлический шпангоут, выбив сноп оранжевых искр. «Почему он не позовёт на помощь?» – удивилась девушка, и в тот же миг капитан сипло прошептал:

– Гарри! Хетуэй! Ко мне!

– Они вас не слышат, сэр, – любезно ответил Озорник. – По моему опыту, голос вернётся к вечеру, не раньше… И ближайшие пару дней вам будет очень больно глотать.

– Ах ты, мерзавец! – прохрипел Стерлинг и сунул руку за пазуху. – Сейчас…

Движение одноглазого было неуловимым. Вот капитан пытается встать, держась за выступ шпангоута – а вот он уже распростёрся ниц, уткнувшись физиономией в пол.

– Так, нам стоит поспешить... – Озорник взял со стеллажа туго набитый брезентовый ранец и кинул его Ласке.

– Ты убил его?!

– Я не такой кровожадный, – усмехнулся Озорник. – В том и проблема. Он в любую минуту может очнуться… Надо сказать, мистер Стерлинг оказался несколько более крут, чем я думал; впрочем, неудивительно. Одинокие волки вроде него ребята ушлые… Нет, эти ремни должны быть крест-накрест; одевай через голову…

– А ты здорово дерёшься! – уважительно сказала девушка, разбираясь с креплениями. – Хотела бы я так же уметь… Научишь, а?

– Учиться придётся долго… – Озорник, в свою очередь, надел спасательный ранец и подмигнул. – Кроме того, у женщин есть другие безотказные средства: нежный взгляд и кроткая улыбка… Зря фыркаешь: многие леди владеют этим оружием с поистине смертоносной эффективностью… Ну, готова?

Ласкин компаньон взялся за торчащую из пола рукоять, с натугой повернул её – и в днище гондолы распахнулся продолговатый люк. Порыв ветра швырнул в лицо девушки пригоршню мелкой мороси. Сердце ушло в пятки. За бортом, казалось, простирается океан абсолютной черноты. Но глаза вскоре привыкли, и Ласка стала различать тёмные и светлые пятна, складывающиеся в однотонную, почти двухмерную картинку…

– Обрати внимание, снег здесь уже сошел, – сказал Озорник, обнимая её за плечи. – За последние несколько суток мы здорово продвинулись на юго-запад. Надеюсь, штурман этого корыта не ошибся и мы летим над территорией Империи… О, смотри – по-моему, впереди какой-то город! Ну что, Маленькая Ласка Светлова, ты готова к приключениям?

– А у меня есть выбор?! – девушке не удалось подавить невольную дрожь в голосе.

Сердце бешено скакало в груди. Озорник рассмеялся, крепко прижал её к себе – и шагнул в пустоту. Ласка взвизгнула от ужаса и судорожно вцепилась в напарника. Холодный ветер вдруг превратился в настоящий ураган; он беспощадно трепал волосы, хлестал по лицу, врывался в ноздри, не давая сделать вдох… Озорник потянул кожаную петлю, торчащую у Ласкиного плеча. Ранец за её спиной хлопнул, а в следующую секунду широкие ремни дёрнулись, впиваясь в тело. Озорника оторвало и унесло куда-то вниз. Девушка запрокинула голову. Над ней развернулся огромный, казавшийся в полутьме призрачно-серым купол. Сквозь маленькое круглое отверстие в его центре проглядывали тёмные небеса. В натянутых стропах гудел ветер… Она летит! Летит! Девушка перевела дух и расхохоталась. Дикий ужас уступил место опьяняющему восторгу. У них получилось! Но где же Озорник?! А, вот он, внизу: светлый кружок купола на фоне лоскутного пейзажа...

– Э-ге-гей! – что было силы крикнула Ласка.

Они пролетели над лесом, потом над квадратами полей, а потом впереди показалась река. Вдоль берегов протянулись длинные, приземистые строения – по крайней мере, они казались таковыми с высоты птичьего полёта. Девушка явственно различала дорогу, жухлый тростник на обочинах и череду луж – словно маленькие серебряные, неправильной формы зеркальца. Они всё ближе, ближе, стремительно мелькает какое-то отражение… Почему «какое-то», это же она, Ласка… Земля больно ударила по ногам, шелковая медуза купола опустилась сверху

и накрыла её слоями невесомой ткани. Девушка кое-как выпуталась из скользких складок и сбросила ранец. Озорник приземлился шагах в тридцати и теперь сворачивал купол. Ласка вприпрыжку побежала к нему.

– У нас получилось! Ура!

– Конечно, получилось! Разве могло быть иначе? – напарник улыбнулся и подмигнул ей. – Знаешь, не стоит оставлять здесь эти штуковины; заберём их с собой.

– А может, припрячем?

– Не самая лучшая идея… – покачал головой Озорник. – Мы с тобой в Империи, знаешь ли – без гроша в кармане и подходящей одежды…

– Ой, верно… – Ласке только сейчас пришло в голову очевидное.

– …И уже успели обзавестись весьма могущественными врагами. Во всяком случае, повторная встреча с капитаном Стерлингом и его людьми не входит в мои планы на ближайшее время.

– Что же теперь делать?! – растерянно спросила Ласка.

– На самом деле всё не так уж плохо. У меня есть ваша кокарда, «волчья голова» – можно продать, серебро в Империи ценится высоко. Но я хотел бы сохранить её на память… Что с тобой?

Девушка неподвижно смотрела в пространство. Озорник подошел к ней и мягко взял за плечи.

– Ласка! Маленькая Ласка Светлова! Ты меня слышишь? Спокойно; ничего страшного не случилось. Просто пришло время принимать решение. Ты помнишь, о чём мы говорили

на борту «Буканьера»?

– Я должна вернуться…

– Через несколько границ, территорию враждебного государства и линию фронта? Без денег и документов, в одежде, не слишком-то подобающей юной даме? Ты, конечно, сильная девочка, но… – покачал головой Озорник. – К тому же, я не смогу тебе помочь. Долг зовёт меня в столицу Империи. Однако послушай: все эти годы я действовал один, совсем один. У меня не было единомышленников: я не мог позволить себе роскошь довериться кому-либо…

– А теперь, значит…

– Если я и могу кому-то доверять, то только тебе! – одинокий глаз Озорника, казалось, прожигает насквозь. – Ты хочешь перевернуть мир, Маленькая Ласка Светлова? Хочешь вырвать его из грязных рук?

– Я давала присягу! – девушка сердито отвернулась. – И для меня это не пустые слова!

Озорник глубоко вздохнул.

– Знаешь, давай всё-таки держаться вместе. Попробуем выручить некоторую сумму за шелк, а там уже будет ясно – на что можно рассчитывать.

Кое-как справившись с непослушной тканью, путешественники навьючили на себя ранцы и двинулись вперёд. Ласка нет-нет, да поглядывала на небо. Конечно, «Буканьер» уже далеко, искать их вряд ли станут… Но всё же.

Дорога тянулась вдоль реки. Заросший кустарником берег постепенно снижался. Невзирая на ранний час, вдали уже маячили лодки: рыбаки, должно быть, вышли на промысел ещё затемно. Негромкие всплески и стук мотора заставили Ласку оглянуться. Их нагоняла баржа. При виде судна Озорник оживился, спрыгнул к самой воде и взмахнул рукой.

– Эй, на борту! Механики, матросы, кочегары не нужны?! – крикнул он на бритиш.

– Мсье механикь?! – с с нескрываемым сомнением откликнулся из рулевой рубки коренастый лоцман.

– Мы оба, притом чертовски хорошие! – Озорник непринужденно перешел на французский. – Умоляю, мсье! Мы аэронавты, попавшие в сложное положение; не откажите в любезности…

– Ладно, считайте – вам повезло… – лоцман нагнулся к переговорной трубе. – Стоп машина! Давайте вплавь, не буду я ради вас причаливать… Ничего, в кочегарке обсушитесь!

– Мерси! – Озорник приглашающее махнул Ласке и шагнул в холодную тёмную воду.

***

Монмартр издавна славился не только своими художниками, за скромную сумму готовыми увековечить углём или сангиной ваш мимолётный образ, но и множеством маленьких уличных кафе. Здесь всё пасторально, по-домашнему: разномастные скрипучие стулья, мягкие домашние туфли на ногах улыбчивого хозяина – и лёгкий табачный дымок, переплетающийся с ароматом поджариваемого кофе. Угловой столик облюбовала необычная компания. Верховодил в ней, судя по всему, мужчина лет пятидесяти. Сухопарый, дорого и со вкусом одетый, он производил впечатление успешного дельца – или, например, высокопоставленного банковского служащего. За его плечом, облаченный в тёмный фрак, возвышался невозмутимый мускулистый неандерталец – стоял, скрестив руки на груди, и зорко поглядывал по сторонам маленькими цепкими глазками. По правую руку от «банкира» сидел человек с внешностью добродушного университетского профессора. На губах его играла мягкая улыбка; в пальцах «профессор» рассеянно вертел небольшую изящную трубочку – её ароматный дымок привносил тонкую нотку ванили в симфонию витавших над столом ароматов. Слева наслаждался кофе с круассанами светловолосый молодой человек в модном клетчатом костюме. Время от времени он с интересом поглядывал на единственную в компании даму. Если бы не болезненная худоба и выдающие возраст «гусиные лапки» в уголках глаз, её можно было бы назвать привлекательной. Хотя день выдался безветренным и довольно тёплым для этого времени года, дама зябко куталась в пушистую шаль, пряча тонкие пальцы в её бахроме.

– Имеющий Зуб, вовсе необязательно торчать у меня за спиной! – с некоторым раздражением бросил «банкир». – Сядь и не нервируй почтенного хозяина – он и так слишком часто поглядывает в нашу сторону…

– Как скажете, мсье! – гулким басом откликнулся неандерталец.

– Ваш телохранитель, Легри, привлекает всеобщее внимание, где бы мы ни оказались! – насмешливо бросила дама. – Сидит он при этом или стоит, никакой разницы…

– Можно подумать, это единственный неандерталец в континентальной части Империи… – буркнул сухопарый.

– Ну, большинство соплеменников нашего славного Имеющего Зуб куда ниже ростом; вдобавок, они редко покидают свои альпийские деревни, так уж принято… – вмешался «профессор». – Кстати, их образ жизни косвенным образом подтверждает одну из теорий…

– Полноте, мы собрались не для того, чтобы обсуждать сомнительные измышления! – раздраженно прервал его француз.

– Так что же, – полюбопытствовал блондинистый молодой человек. – Есть какие-то новости касательно нашего… Э-э… Фигуранта?

– В том и дело, что нет! – мрачно откликнулся банкир. – Абсолютно ничего! С тех пор, как он отправился в эти мёрзлые варварские земли…

– Леди и джентльмены, я бы хотел прояснить для себя кое-что! – молодой человек упрямо закусил губу и поглядел своих спутников с некоторым вызовом. – Похоже, я один не в курсе… Что вообще происходит?!

– Джек, вы помните вашу последнюю встречу с мистером Инкогнито?

– Да вы издеваетесь, Сильвио! – блондин нервно усмехнулся. – Землетрясение, трубный глас, зелёные огни в полнеба… Полагаю, бедные пражане до сих пор с содроганием вспоминают тот вечер! А Злата Прага стала на одну легенду богаче. Но я по-прежнему не понимаю, *чему именно* я стал свидетелем!

– Вы видели… Ну, скажем так – проявление необычных месмерических способностей этого индивида. Знаете, с тех пор я много думал… Возможно, мы могли бы с ним договориться! – «профессор» снял очки и принялся их протирать. – В конце концов, он не нанёс нам никакого вреда, лишь защитился…

– Инкогнито – социопат, он совершенно неуправляем! – покачал головой Легри. – И не надо строить иллюзий относительно его гуманности: нам просто повезло. Сложись всё иначе…

– Как бы там ни было, он бежал далеко на север, в Московию… И Центрально-Европейская Ложа потеряла его след.

– Не совсем… Полтора года назад от нашего человека в посольстве поступила информация, что некое лицо готовит экспедицию на восток, в Сибирию; по описаниям всё совпадает – щуплый, длинноволосый, одноглазый…

– Московия, Сибирия – не вижу большой разницы… – легкомысленно отмахнулся блондин. – Всё это среди вечных снегов, медведей и дикарей… У Инкогнито невелики шансы вернуться оттуда!

– Снобизм коренного альбионца! – фыркнула дама. Молодой человек сконфуженно умолк.

– А мне вот крайне любопытно, что, собственно, потребовалось Инкогнито в Сибирии? – тихонько поинтересовался «профессор». – Огюст, может быть, вы владеете хоть какой-то информацией…

– Увы! – развёл руками Легри. – Известно лишь, что он неоднократно использовал там свои, гм… *Способности*; иногда по нескольку раз на дню. Но последний месяц – как отрезало; нам остаётся лишь теряться в догадках…

– Постойте-постойте! – блондин ошеломлённо переводил взгляд с Легри на «профессора». – Вы хотите сказать, что можете отследить проявления этих… Способностей… Даже в Сибирии?! Но… Как?!

– Похоже, Сильвио, вам придётся доверить нашему юному другу одну из высших тайн Ложи! – насмешливо бросил Легри. – Что ж, помнится, вы говорили, что всецело ему доверяете…

«Профессор» неловко заёрзал на стуле.

– Да, но… Гм… Ну хорошо. В конце концов, рано или поздно всё равно пришлось бы… Видите ли, Джек, в нашем распоряжении имеется некий… Артефакт.

– Артефакт? – Джек Мюррей недоуменно сдвинул брови. – Если я правильно помню университетские лекции, определение этого слова – «явление, процесс либо предмет, свойство которого в наблюдаемых условиях по естественным причинам невозможно или…»

– Да-да-да, конечно… Но я подразумеваю нечто иное. Скажем так – это некий аппарат, способный реагировать на всплески месмерической активности мистера Инкогнито. Более того, мы сразу узнаём, где именно это произошло.

– Но это значит, что… Мы можем выследить его! – глаза Джека заблестели.

– В Империи – да, шансы велики, – откликнулся Легри. – Именно так мы и вышли на его след в прошлый раз. Однако этот тип находится ныне в местах, где не существует ни телеграфа, ни даже дорог – одни лишь направления…

– Находился, – мягко поправил его Сильвио. – Мы не знаем, где он сейчас – и жив ли…

– Поэтому мы и вынуждены были обратиться к услугам фрау Мантойфель… – Легри коротко поклонился худощавой даме. – Очаровательная, если бы вы были столь любезны…

– Очаровательной я была лет двадцать назад! – поморщилась та. – Давайте ближе к делу, Огюст.

– Гм… Ну хорошо! – Легри бросил короткий взгляд через плечо, дабы удостовериться, что их никто не подслушивает. – Мы, представители Центрально-Европейской ложи в лице

Огюста Легри, Сильвио Фальконе и Джека Мюррея просим о неофициальном содействии Великую Тевтонскую Ложу… В вашем, так сказать, лице…

– Значит, необходимо определить местоположение этого вашего Инкогнито? – фрау Мантойфель покопалась в своей сумочке и извлекла на свет лакированный портсигар.

– Для начала хотелось бы просто знать, жив ли он. А потом – да, местоположение и куда он направляется…

– Хорошо. Огюст, я вынуждена напомнить, что мои услуги обходятся недёшево…

– Разумеется… Вы примете чек?

– Пифии традиционно предпочитают наличные, но если он будет подписан вами – я сделаю исключение…

– Пифии? – переспросил Джек.

– Вы даже этого не знаете? – надломила тонкую бровь женщина. – Сильвио, на какой ступени посвящения находится ваш милый мальчик?

Мюррей слегка покраснел.

– Официально он принятый ученик… По сути же, причастен к некоторым высшим тайнам Ложи. Будь моя воля, Джек уже давно был бы посвящён в подмастерья; но вы не хуже меня знаете, как консервативны некоторые… – Сильвио Фальконе смущенно замолк и принялся вновь протирать очки.

Фрау Мантойфель задумчиво перебирала содержимое портсигара. Каждая из тонких, ручной скрутки сигарилл имела свою метку – черный ободок, один или несколько.

– Вопрос не из самых заковыристых, – пробормотала женщина. – Максимум вторая ступень сложности…

Нервные пальцы пифии извлекли сигариллу с двумя колечками.

– Угостите даму огоньком…

– Эмма, ради бога – вы что, намерены работать прямо здесь?! – в голосе Легри послышались панические нотки. – Может быть…

– Успокойтесь, мсье Огюст… Я уверен, фрау Мантойфель знает, что делает, – с этими словами Сильвио чиркнул спичкой.

Над столиком поплыли странные ароматы, ничуть не похожие на запах табака. Джек Мюррей с любопытством принюхался.

– А вот этого делать не стоит! – резко сказала фрау Мантойфель и затянулась. – Берите пример с ваших товарищей…

Джек бросил взгляд на Легри и Фальконе. Те откинулись на спинки стульев и явно старались не вдохнуть ненароком дымок сигариллы: француз даже достал носовой платок и прижал его к лицу.

– Джентльмены, кто-нибудь из вас объяснит, что тут происходит?! – осведомился Мюррей.

– Терпение, друг мой, терпение… Скоро вы всё узнаете…

Женщина продолжала курить, глубоко затягиваясь. Глаза её остекленели, движения сделались резкими и порывистыми, словно у марионетки в руках неопытного кукловода. Красноватый огонёк с каждой затяжкой приближался к пальцам. Джек поймал себя на том, что ожидает его прикосновения к нежной коже. Внезапно фрау Мантойфель выпрямилась, словно солдат по стойке «смирно».

– Время течёт, опадают увядшие листья,

Баржа по Сене уносит хранителя к морю,

Чёрною птицею вьется воздушный корабль,

Рыцарский панцирь сжимая стальными когтями.

Взгляд женщины застыл, неподвижно воткнувшись в пространство; зрачки сделались размером с булавочную головку. Джек Мюррей невольно поёжился: выглядело всё это жутковато.

– Она что, медиум? – осведомился он, понизив голос.

– Не совсем… Она – пифия; это древнее искусство почти утеряно ныне… Во всей Империи осталось лишь несколько мастеров… Сильвио, вы записали пророчество?

– Я запомнил, – Сильвио Фальконе осторожно извлёк окурок из одеревеневших пальцев фрау Мантойфель и затушил его в пепельнице. – С первой частью всё более-менее понятно; но вот вторая…

– Стало быть, мистер Инкогнито плывёт по Сене…

– На барже.

– На барже – и к морю… Должно быть, имеется в виду Ла-Манш, что же ещё?

– Пожалуй. Но вот касательно остального… В третьей строчке упомянут воздушный корабль; если это не метафора, он как-то связан с Инкогнито. А четвёртая… Рыцарский панцирь – что бы это значило? И стальные когти?

– Неважно, – Джек Мюррей задумчиво ущипнул себя за кончик носа. – Теперь мы знаем, что наш общий знакомец жив и направляется к Альбиону.

– Ну, это ещё не факт…

– Проклятье! – пристукнул кулаком Легри. – Ведь он может быть в нескольких милях отсюда – а мы не имеем даже представления об этом! Где его искать? В Труа? В Ромийи? В Руане? Или прямо здесь, в Париже? Баржа! На Сене сотни этих чёртовых барж! А впрочем…

Фрау Мантойфель внезапно вышла из транса. Лицо её словно бы разом постарело: обозначились глубокие носогубные складки, морщины проступили явственней. В уголке рта появилась блестящая капелька слюны и неспешно начала свой путь по подбородку. Джек Мюррей опустил глаза.

– Ну хорошо, допустим, мы выследим его… Что дальше? Попытаемся схватить, как в прошлый раз?

– Ну уж нет, только не как в прошлый раз! – оживился Сильвио Фальконе. – Думаю, теперь мы подготовлены куда лучше… И знаете что – я думаю, вы правы относительно Альбиона. Надо возвращаться в столицу и ждать его там.

– Есть и другой путь… – негромко сказал Легри. – Только что пришло в голову… Почему бы не попытаться перехватить его в Гавре?

– Мы можем не успеть…

– Нам необязательно присутствовать лично. Достаточно одной телеграфной депеши, – француз холодно улыбнулся. – Так уж случилось, у меня есть там свои люди.

Фрау Мантойфель дрожащей рукой вытащила носовой платок, промокнула рот – и громко высморкалась.

– Похоже, я слегка переоценила свои силы, – слабым голосом выдавила она. – Кто-нибудь, принесите стакан холодной воды…

***

Лоцмана звали папаша Жерар, а баржу – «Старушка Рози»; и относился к ней француз, словно к старой верной супруге. Переговоры вёл Озорник. По их итогам парашутный шелк очутился в хозяйстве лоцмана, взамен путешественники получили кое-какую одежду и харчи; дорогу же им предстояло отработать. Новоявленные члены команды с энтузиазмом взялись за дело. По окончании ремонтных работ Ласка раздобыла швабру-лентяйку, ворох ветоши – и навела в машинном отделении такую чистоту, какой старушка-баржа не знала, наверное, со времён постройки. Папаша Жерар что-то одобрительно буркнул по-французски.

– Он принял тебя за мальчишку, - усмехнулся Озорник.- Сказал, мол, хорошо ты прибрался, парень…А ведь это, пожалуй, выход! Я-то всё пытался придумать, что с тобой делать…

– Зачем со мной что-то делать? – удивилась Ласка.

– Затем, что это Империя, знаешь ли. И вольные нравы северных держав тут не в почёте... Здесь несколько иное представление о женщинах и о том, что им можно и что нельзя.

– Например?

– Например, незамужняя девушка, путешествующая с мужчиной, у многих вызовет нездоровый интерес, – пояснил Озорник.– Не говоря о таких мелочах, что нас с тобой не пустили бы ни в одну гостиницу, претендующую на звание мало-мальски приличной. Значит, ночевать пришлось бы в каком-нибудь притоне, а мне это совсем не по душе… Но если ты мальчик или юноша – тогда совсем другое дело. Куртка на пару размеров больше творит чудеса… Волосы у тебя и так достаточно короткие, голос хрипловатый, словом, из тебя получился замечательный гаврош; и главное – никто не станет задавать лишних вопросов!

– Неужели я так похожа на парня?! – Ласка против воли почувствовала себя уязвлённой. Нет, она никогда не считала себя красавицей, но всё же…

– Ты ведь сама к этому стремилась, а? – легонько поддел её Озорник.

– Вот ещё! С чего ты взял?

– Я ни разу не видел тебя в платье; ты никогда не занималась тем, что называется «женскими делами». Ты выбрала судьбу солдата и жила в соответствии с этим, разве нет?

– Да, но…

– Я не говорю, что это плохо… Или хорошо. Это твоё право… Но мы нынче в Империи, понимаешь? Здесь почти немыслимо встретить женщину в мужской одежде; вот лоцман и принял тебя за юношу… Так что не дуйся, нам сильно повезло! До Гавра доберёмся без проблем, а вот дальше…

– Давай-ка обсудим кое-что! – Ласка сердито уставилась на спутника. – Ты ничего мне не рассказываешь о своих планах: ни куда мы плывём, ни что собираемся делать… Если уж мы – партнёры, то я должна это знать!

– Ну хорошо, – вздохнул Озорник. – Если вкратце – мы должны пробраться в столицу Империи, Альбион, найти там одну вещь – и похитить её.

– Похитить?! Постой, но… Мы, кажется, хотели отомстить тем, кто развязал войну!

– Нет. По крайней мере, не так, как ты думаешь.

– То есть как?! – Ласка вскочила на ноги; от возмущения у неё перехватило дух. – Ты же сам...

– Успокойся и выслушай меня…

– Успокойся?! Да ты… Предатель! Обманщик!

Озорник молчал. Наконец, до девушки дошло, что её спутник никак не реагирует на гневные тирады; она замолчала и отвернулась, кипя негодованием.

– Ты всё сказала? – осведомился Озорник.

– Я вообще не собираюсь с тобой разговаривать! – процедила Ласка.

– Хорошо. По крайней мере, не будешь меня перебивать. Так вот, я действительно знаю кое-что о тех, кто правит этим миром. Знаю, правда в самых общих чертах, их иерархическую структуру. Могу даже назвать пару человек из тех, что стоят на самой вершине тайной пирамиды власти – и думаю, что не ошибусь… Но это ни на шаг не приближает нас к решению задачи.

– Если ты знаешь имена, их можно найти и… – Ласка остановилась, не договорив.

– Убить? – тихонько подсказал Озорник. – Теоретически, да… Можно застрелить, можно подложить адскую машину, можно выдумать ещё сотню способов… Но даже если случится чудо и план сработает – несколько смертей ничего не изменят. Им на смену тотчас придут дру-

гие… Так уж устроен наш мир. Это их игра, Ласка. А правила в ней таковы, что ты неминуемо оказываешься в проигрыше, что бы ни делала. Так что выход здесь ровно один.

Озорник умолк. Ритмично пыхтел мотор, отсветы пламени из топки плясали на переборке.

– Какой? – нарушила молчание девушка.

– Смахнуть фигуры с доски!

– Не понимаю… Ты ведь только что говорил, будто не собираешься…

– Чего я точно не собираюсь делать – так это бросать бомбы, устраивать покушения и заниматься агитацией! У меня просто нет на это времени, да и потом – слишком мелко разменяться на подобную чепуху... А задачу свою я формулирую так: изменить мироздание. Я срою Империю до основания; аннулирую её мощь, разорву незримую сеть, которой опутан мир… И поганым кукловодам останутся лишь оборванные верёвочки! Как, неплохо придумано?! – глаз Озорника сверкнул яростным весельем из-под спутанных волос. – Хочешь поучаствовать в этом представлении, Маленькая Ласка Светлова?!

Девушка с минуту переваривала услышанное.

– Это же невозможно, – наконец сказала она.

– Вовсе нет.

***

Кремень привычно поплевал на ладони и взялся за рукоять. Двухкилограммовый молот взлетел в воздух с лёгкостью пушинки – и с глухим «хрясь!» обрушился точно промеж рогов. Ноги бурёнки подломились, она тяжело рухнула на землю. Забойщик отступил на шаг и кивнул помощникам. Заскрипела лебёдка, поднимая тушу. Кремень подвинул ногой корыто и коротко чиркнул грязным ножом по коровьему горлу. Струйки крови звонко ударили в жестяное днище.

– На сегодня последняя, – буркнул Кремень, вытирая руки о передник.

В дверях забойного цеха что-то шевельнулось. Забойщик вскинул голову. Скудное освещение не было для него помехой. Зрение неандертальцев острее людского, в чём апологеты превосходства человеческой расы усматривали очередное доказательство своей правоты: ведь чем дальше ты находишься от животного, тем меньше тебе требуется полагаться на природные инстинкты. Пришедший, впрочем, обладал куда более развитыми чувствами – а кроме того, совершенно не чурался своей животной природы.

– Чего надо? – неприветливо буркнул Кремень, уставившись в слабо фосфоресцирующие глаза фелис.

– Есть новости от нашего благодетеля, – промурлыкал тот.

– Намечается дельце? – Кремень щербато ухмыльнулся.

– Ну, вряд ли он стал бы звать нас на именины любимой дочки…

– Чего?

Фелис негромко фыркнул. Неандерталец совершенно не воспринимал иронию. Неудивительно: у этих парней лучшей шуткой считается неожиданный удар дубинкой по темени. Такое уж у них чувство юмора…

– Ждём тебя в полночь на старом месте, Кремень… Да, будь готов – судя по всему, работа предстоит серьёзная.

– Э, постой. Сколько он платит на этот раз? – вопрос пропал втуне: фелис исчез, словно его никогда тут и не было. «Проклятые твари! Ходят бесшумно, как… Как кошки».

Эта ночь выдалась ненастной. Зарядивший с вечера мелкий унылый дождь разогнал обитателей припортовых трущоб по их норам. Кремень накинул на плечи рыбацкий клеёнчатый плащ. Условленным местом встречи была таверна. За столиком в тёмном углу уже поджидали двое из четырёх членов банды: Долговязый Жак и алжирец Момо. Кремень взял себе кружку

дешевого пива, присел на низенький столик и, не говоря ни слова, ополовинил содержимое своей посудины.

– Добрый вечер, мсье! – издевательски осклабился Долговязый.

– Где котяра? – неприветливо буркнул Кремень.

– Полагаю там, же, где твои хорошие манеры! – хохотнул Момо. – Что, язык отсохнет поздороваться со старыми корешами?

Кремень мрачно зыркнул на него из-под насупленных бровей, и алжирец тут же притих: неандерталец славился не только атрофированным чувством юмора, но и отсутствием долготерпения.

– Он был здесь, потом отлучился ненадолго, – пожал плечами Долговязый. – Сказал, что, мол, скоро вернётся.

Кремень насупился было, потом ухмыльнулся, представив себе элегантного негодяя фелис промокшим до нитки. Момо порылся за пазухой и вытащил колоду засаленных карт.

– Ну что, скоротаем времечко?

Фелис появился, когда они начали второй кон. Кремень с неудовольствием отметил, что их подельник сух, как песок в пустыне: должно быть, он нанял экипаж. Выглядел котище, как всегда, импозантно: широкие, не стесняющие движений замшевые брюки были заправлены в короткие щегольские сапожки, под новой парусиновой курткой – жилет на голое тело, шея повязана шелковым платком по моде марсельских моряков, на голове красуется широкополая кожаная шляпа.

– Мои извинения честной компании! – весело бросил фелис Марселец, с поистине кошачьим изяществом присаживаясь за стол и укладывая пушистый хвост на колени. – Буквально в последний час кое-что изменилось…

– Ну? – буркнул Кремень.

– О, просто нам придётся немного подождать… – Марселец улыбнулся, обнажив острые шила клыков. – Клиент задерживается.

– Чего делать-то? Как обычно? – поинтересовался Долговязый Жак.

– Не совсем… Хорошенько оглушить и упаковать так, чтобы даже пальцем не мог шевельнуть. Но он должен остаться в живых.

– Это как, обязательно? – проворчал неандерталец.

– Ну, если ты хочешь получить свои денежки… – хихикнул фелис. – Знаешь, как говорят – кто платит, тот и заказывает музыку. А наш патрон любит, чтобы его указания выполнялись в точности.

– Хотел бы я знать, кто он таков – наш патрон… – задумчиво протянул Долговязый, глядя в глаза Марсельцу. – Ясное дело, какая-то важная шишка…

– А вот мне это – до Полярной звезды! – хмыкнул Момо. – Наше дело – немножко нарушить закон и получить наличные; что ещё надо простым ребятам из доков!

– Меньше знаешь – крепче спишь, – подтвердил фелис. – Да, самое главное: от нас требуется поплотнее завязать ему глаза.

– Это ещё зачем? – удивился Кремень.

– Ну, наверное, чтобы он ничего не видел! По крайней мере, других причин я не вижу! – издевательски усмехнулся фелис. – Так что позаботьтесь об этом заранее: кроме верёвок и кляпа, потребуется ещё тряпьё… Ну, и мешок на голову, для надёжности.

***

– Нет, в Новом Свете мне бывать не доводилось… – Озорник поморщился: дождь заливал лицо. – О тамошних чудесах я знаю лишь из рассказов моряков и отчётов немногочисленных экспедиций. Говорят, это воистину жуткие места: непролазные джунгли, населённые чудовищными формами жизни, давно вымершими на остальных континентах. Но думаю, они

тоже рано или поздно будут освоены: Империя постоянно расширяется, поглощая всё новые и новые пространства…

– Когда же они остановятся! – пробормотала Ласка.

– Не раньше, чем захватит весь мир… Сейчас не существует страны достаточно сильной, чтобы противостоять мощи Британии. Так или иначе, все окажутся под её властью, это лишь вопрос времени… Одни страны станут частью её территории, другие – колониями либо полностью зависимыми от неё придатками… Проклятье!

Последнее слово Озорник произнёс еле слышно – но так, что Ласка моментально вскинула голову и насторожилась.

От стены дома отделилась вдруг тёмная фигура. Лица под широкими полями шляпы было не разобрать – только глаза: они лучились каким-то фосфорическим, дьявольским светом! В движениях незнакомца чувствовалась угроза – и странная, нечеловеческая пластика: он словно перетекал из одного положения в другое, ни на секунду не прекращая движения. С громким «крак!» открылся автоматический нож – очень узкий и длинный. В тот же миг за спиной девушки тяжело грянули о камни мостовой башмаки. Ласка обернулась: спрыгнувшая откуда-то сверху фигура распрямлялась, демонстрируя широченные плечи и чудовищно безобразную, с массивными надбровными дугами физиономию…

– Ты говорил, он будет один! – прорычал урод, а в следующий миг события завертелись с ужасающей быстротой. Озорник выхватил что-то из кармана – и крутанувшись на пятке, коротко взмахнул рукой. Мелкая монетка вжикнула, словно пуля. Бросок был точен – злобный крепыш издал вопль боли и схватился за глаз; Озорник же метнулся вперёд – и резким движением ноги подсёк первого нападающего под колено. Негодяй, очевидно, не ожидал такой прыти от своей жертвы и рухнул навзничь, так и не успев сделать выпад.

Откуда-то сбоку вынырнула долговязая тощая фигура с мешком наперевес и попыталась надеть его на голову Озорнику, тот уклонился и саданул нападавшего мыском ботинка по голени… Тут внимание Ласки было отвлечено: урод замахнулся на неё чем-то вроде короткой дубинки. Девушка вцепилась в бьющую руку; но сила нападавшего была такова, что полностью погасить удар не удалось. Ласка охнула: «дубинка» оказалась мешочком, туго набитым песком. Перед глазами всё помутилось – но тут на девушку снизошло вдохновение, и она что было сил впилась зубами в пальцы врага! Тот заорал и отшвырнул её в сторону. Она рухнула прямо в лужу, подняв фонтан брызг… В грудь больно уперлось что-то твёрдое. «Пистолет! Подарок Шолт-Норта!» Ласка сунула руку за пазуху. Пальцы нащупали тёплые костяные щечки рукояти. Она встала на колени. Ствол ходил ходуном, перед глазами всё расплывалось… Выстрел получился неожиданно громким; отдача едва не выбила кургузую рукоять из Ласкиной руки.

– Револьвер! – взвизгнул кто-то, спустя секунду шайка обратилась в бегство.

Озорник, тяжело дыша, подошел к девушке и помог ей подняться на ноги.

– Кости целы?

– Ага… Голова только как-то… Плывёт… – Ласка посмотрела на своего спутника и неудержимо расхохоталась. – Ох… Неужели я такая же мокрая!?

– По-моему, ещё мокрее… Но ты молодчина! – Озорник поднял что-то с земли. – Смотри-ка, итальянский автоматический стилет, и не из дешевых…

Ласка с интересом рассматривала нож. Рукоять с костяными накладками, клинок, хищный и длинный, и небольшие усики гарды делали его похожим на узкий кинжал, только заточенный с одной стороны.

– Здешняя шпана обожает такие вещицы… Но эта – явно штучной работы, да и подлиннее прочих. Похоже, чертов фелис – профессионал…

– Кто?!

– Фелис. Нам ещё не раз придётся иметь дело с этим племенем, в Альбионе их пруд пруди; там вообще много странных народов…

– Так он что же, не человек?

– Фелис – разумные котообразные. Никогда с такими не сталкивалась?

– Н-нет… Я ведь даже разглядеть его толком не успела…

– Эти бестии достаточно умны, чтобы из всех способов заработать на жизнь выбирать не самые законные… Из них получаются отличные соглядатаи, ловкие воры и неплохие наёмные убийцы. Интересно, как им удалось меня вычислить?

Ласку начала бить дрожь. Озорник обнял девушку за плечи, прижал к себе. Сквозь мокрую одежду она почувствовала тепло его тела. Поцелуй был мягким и нежным: он оказался самой естественной в мире вещью, но ей хотелось ещё и ещё…

– Негодяи могут вернуться… – прошептал Озорник, отрываясь от её губ.

Дождь припустил вовсю; чтобы согреться, они побежали. Промокшая насквозь одежда липла к телу, в башмаках хлюпало, лицо горело огнём… Внезапно улица кончилась. Они очутились на побережье: шумели волны, ветер чуть слышно посвистывал в сетях. Неподалёку маячили смутными силуэтами перевёрнутые вверх дном рыбачьи лодки. Ласка и Озорник переглянулись – и, не сговариваясь, залезли под ближайшую. Озорник начал было что-то говорить – но девушка вновь приникла к его губам, обвила руками шею, больше всего на свете боясь потерять ту сумасшедшую, пугающе-радостную вседозволенность, теснившуюся в её груди... Всё оказалось совсем не так, как представлялось ей в душных ночных фантазиях: не было ни жара, ни боли, ни давящей тяжести чужого тела – лишь восхитительная упругость и мягкое, безостановочное, почти змеиное скольжение, рождающее сладкие судороги внизу живота…

***

Баркас весело разрезал маслянистые воды Ла-Манша. Озорник всё ещё спал, Ласка же чувствовала себя бодрой и отдохнувшей – хотя лёгкое головокружение порой напоминало о полученном ударе. Девушка поднялась на палубу и присела на фальшборт, держась одной рукой за ванты. Светало; прохладный бриз вымыл последние остатки сна. Они приближались к Альбиону. Сперва изменило цвет небо: нежная лазурь помутнела, и над горизонтом поднялось огромное, размытое облако смога. Парящие над морем тёмные точки постепенно обрели очертания: это были вовсе не птицы, а флотилии гигантских воздушных кораблей – в Империи лов рыбы осуществлялся с дирижаблей. Альбион поднимался из вод, подобно Афродите нового времени, прекрасный и безобразный одновременно. Бледную плоть меловых утёсов пронзали костыли сложных геометрических конструкций, кружевные переплетения стальных ферм и труб сжимали пологие холмы, словно безжалостный кринолин – пышные формы модницы. Навстречу стали попадаться суда – от утлых челноков до роскошных многоэтажных паромов. Баркас бежал резво. Паруса вкупе с новенькой паровой машиной делали своё дело: они быстро обогнали несколько тихоходных посудин.

– Ещё полчаса – и мы ступим на землю великого острова, – сказал за спиной Ласки Озорник. – Отсюда начиналась Империя; этот край хитростью, силой и деньгами своих правителей стал тем, чем является ныне… Алмазные копи Африки, виноградники Италии и Франции, германский строевой лес и уголь… А теперь они обратили свой взгляд на покрытые ледниками земли Московии и Сиберии… Величие Империи не знает предела, как и алчность тех, кто ею правит.

«Он ни словом не обмолвился о том, что случилось меж нами ночью! Господи, спасибо тебе! Сейчас я умерла бы со стыда, заговори он об этом!»

– Как думаешь, шкиперу можно доверять? Он не выдаст нас? – голос Ласки после вчерашних приключений звучал хрипловато.

– Вряд ли. Эти парни – ирландцы до мозга костей; они не слишком-то жалуют власти… Пойдём вниз! На палубе легко простудиться, кроме того – нам надо кое-что обсудить.

– Обсудить? – настороженно поинтересовалась Ласка, спускаясь вслед за Озорником в прокуренную духоту кубрика.

– Ну да… Мы должны придумать тебе имя. Ты же у нас мальчишка, ученик механика, помнишь? Изрядный сорванец и не дурак подраться. Как могут звать такого парня? Мне вот кажется – Уильям, или, сокращенно, Билли. Что скажешь?

ЧАСТЬ II. Инкогнито

– Вы только не подумайте, что я вас отговариваю, Джек. Нет-нет, ни в коем случае… – Сильвио Фальконе отхлебнул эль. – И всё же: почему именно репортёр?

Они сидели в уютном маленьком пабе. За окном падал снег, падал – и тут же таял, едва коснувшись мостовой. Эта зима выдалась тёплой. Джек Мюррей с наслаждением затянулся ароматным «кевендишем» из новенькой трубки.

– Очень просто. С тех пор, как мистер Инкогнито ступил на землю Альбиона – а в этом у нас почти нет сомнений, верно? Так вот, с тех самых пор о нём ни слуху, ни духу. Но этот человек, подозреваю, прибыл с определённой целью. И будет пытаться воплотить её в жизнь. Сделать это незаметно ему вряд ли удастся…

– Почему вы так думаете? – полюбопытствовал Сильвио.

– Я долго размышлял над тем, что же ему понадобилось в северных землях…

– Ну, и к каким же выводам вы пришли? Очень интересно!

– Единственное, что могло подвигнуть Инкогнито на такое путешествие – это свобода применять дар по своему разумению, не опасаясь преследований. Он тренировался, понимаете?! – Джек прищелкнул пальцами. – Вы ведь сами говорили: все эти ваши жутко секретные устройства регистрировали возмущения эфира едва ли не ежедневно… А теперь, отточив свои способности, он вернулся на Альбион! И будьте уверены: это неспроста, а новости, как правило, первыми узнают представители прессы… Таким образом, я буду держать руку на пульсе событий!

– Браво-брависсимо! – Сильвио Фальконе беззвучно захлопал в ладоши. – Отдаю должное, мой мальчик: я в вас не ошибся. Значит, журналистика…

– Думается, информацию я получу одним из первых, и сразу же уведомлю вас. Кстати, Сильвио, давно хотел спросить… Конечно, это не моё дело, но… Кто ещё посвящен в эту историю с Инкогнито и его даром?

– Напрямую – никто. Из всех представителей Центрально-Европейской ложи истинное положение дел известно лишь вам, мне и мсье Легри, – негромко сообщил Фальконе. – Из прочих – только фрау Мантойфель, но Эмма на особом положении, она – могила для многих тайн… И так должно оставаться впредь, запомните. Умение хранить секреты – отнюдь не последнее дело в мастерстве вольного каменщика…

Мюррей машинально затянулся, но трубка успела погаснуть.

– А вы не слишком-то опытный курильщик, верно? – улыбнулся Сильвио. – Позвольте мне, старому трубокуру, просветить вас относительно некоторых тонкостей…

– Да подождите вы с трубкой… Я всегда полагал, что мы исполняем волю Великого мастера ложи…

Сильвио покачал головой.

– Видите ли, Джек… Тот, кого мы ищем, обладает поистине исполинскими силами, хотя сам он, возможно, ещё не осознаёт этого. Задача в том, чтобы взять Инкогнито под контроль, и тогда… О, тогда перед нами откроются поистине великие возможности! Но скажите, положа

руку на сердце: вы рискнули бы доверить неограниченную власть некоторым из наших общих знакомых?

Джек открыл было рот для ответа… И призадумался.

– Мистер Инкогнито – ключ к тайнам мироздания, – чуть слышно вздохнул Сильвио. – И ключ этот должен быть нашим. Только нашим, и ничьим больше.

За столом воцарилось молчание.

– Умеете вы поставить человека перед фактом! – нервно усмехнулся Джек. – Выходит, мы с вами – заговорщики?

– Можно и так сказать. Видите ли, масонство – это не совсем то, что вы полагали. Подлинной властью и влиянием облечены вовсе не те фигуры, что всегда на виду, это своего рода ложа в ложе… Предвидя ваш вопрос, Джек – да, я один из них. Но кроме того вы, я и мсье Легри – составляем ещё одну, сакральную, ступень… Я предпочитаю думать о нашей маленькой компании как о посвященных в тайну – и тем самым облеченных величайшей ответственностью. Мы рыцари, Джек; стражи у пещеры дракона. Кстати, о тайнах! – сменил тему Сильвио. – Вы в курсе относительно этого жуткого случая с обваренным трупом?

– Ха, ещё бы! В следующий раз, когда возьмёте в руки газету – посмотрите, чьё имя стоит в конце репортажа!

– «Загадочная смерть», «полиция в тупике»… Вы поразительно быстро овладели языком желтой прессы, Джек!

Мюррей смущенно улыбнулся.

– Законы жанра, знаете ли… Но это происшествие и в самом деле весьма загадочно! Я видел тело собственными глазами. Такое впечатление, будто его действительно сварили в кипятке – или, скажем, подвергли воздействию перегретого пара... Жуткое зрелище!

– А что, если это какое-то новое оружие? – задумчиво предположил Сильвио. – Паровые бомбы успешно применяются на полях сражений – если только слово «успех» уместно по отношению к столь варварскому средству уничтожения…

- Возможно, всё гораздо проще, - невесело усмехнулся Джек. – Покойный был полицейским информатором.

- Вот как?

- Это конфиденциальная информация, сэр. В статье вы не найдёте ни слова об этом, но… В доках работают суровые парни; с них станется засунуть стукача в паропровод, а потом втихую избавиться от тела.

- Луддиты? – вопросительно поднял брови Фальконе.

- Луддиты, контрабандисты, грабители – да мало ли кто ещё... Кстати, Сильвио! Я тут подумал: почему бы немке не оказать нам помощь?! Раз уж вы с мсье Легри уверены, что её предсказания имеют хоть какой-то смысл…

– Вы имеете в виду фрау Мантойфель? Ну, во-первых, её услуги весьма недёшевы… А во-вторых, к ним нельзя прибегать слишком часто. Те алкалоиды, что вынуждена вдыхать пифия, крайне негативно сказываются на её здоровье. Наша предсказательница регулярно ездит в Баден, пить целебные воды; к тому же, моё знакомство с ней – чисто шапочное, в отличие от мсье Легри… А он, если говорить начистоту – не самый лёгкий человек. Так что пока это дело целиком и полностью в нашей с вами компетенции, Джек.

***

Они поселились в недорогом пансионате. Этот район Альбиона назывался Пул; будучи одним из крупных портов, он связывал остров-столицу с континентальной частью Империи. Одноглазый механик и его ученик не вызвали подозрений: здесь по большей части жил рабочий и мастеровой люд, не страдающий излишним любопытством. Скудная обстановка могла бы отпугнуть более взыскательных квартирантов; однако Ласка, с младых ногтей приученная

к спартанским условиям Крепости, чувствовала себя неплохо. Пожалуй, единственная сложность возникла с умыванием: привыкшая к проточной воде, девушка никак не могла примириться с альбионским обычаем использовать для этой цели тазик. Озорник же, по обыкновению, вовсе не обращал внимания на трудности быта.

– Так когда мы займёмся чем-то стоящим? – поинтересовалась Ласка на следующий день

– Скоро. Но я должен провернуть кое-какие дела, а ты тем временем… - Озорник извлёк из-под стола перевязанную шпагатом стопку книг. – Вот, держи. Прочти и… Нет, конспектировать, пожалуй, не надо; просто составь своё мнение. Заодно подучишь язык. Вперёд, малыш Билли!

Подборка оказалась весьма специфической: бритиш-славянский словарь и три тяжеленных тома «Краткой истории Евразии и Британской Империи». Чтение неожиданно увлекло Ласку: здесь, в убогой комнатушке с обшарпанной мебелью, скрипучим полом и выкрашенными в пивной цвет стенами, ничто не отвлекало от текста.

Треть Евразии покрывали снега: ледники, ползущие с гор, смыкались на севере с полярными шапками; по бесконечным просторам Сибири, иначе называемой Снежной Страной, кочевали многочисленные дикие племена. Война, охота и оленеводство были их уделом. К западу от Уральского хребта раскинулись земли Московии; автор описывал их скупо. Не знай Ласка правды, у неё создалось бы впечатление, что страна эта состоит из бескрайних лесов, рек и разбросанных то тут, то там деревень, где уживались бок о бок две расы – людей и разумных медведей. На южных своих границах Московия воевала, пытаясь расширить сферу влияния. Доходило и до столкновения с войсками Империи, закрепившимися на Крымском полуострове при поддержке турок и татар. На западе амбиции московитов сдерживала Жечь Посполита – воинственное государство, заключившее с Империей военный союз. Нынешние имперские земли на старинных картах имели вид лоскутного одеяла. Вот уже без малого две сотни лет запад Европы представлял собой монолит – самую крепкую и величественную из когда-либо существовавших держав. Империя контролировала земли Ближнего и Среднего Востока, владычествовала в Индии, стремительно расширяла своё влияние на Африканском континенте, одну за другой основывала колонии в Новом Свете, тесня дикие джунгли и обитающих там доисторических чудовищ – словом, Империя правила миром… По крайней мере, большей его частью. Ласка нехотя призналась себе, что до поры не представляла, насколько сильна приютившая их держава. Полно; можно ли вообще помышлять о том, чтобы разрушить этакую громадину?

Желание поговорить с Озорником становилось всё сильнее, но тот где-то пропадал целыми днями. Близости меж ними больше не было; впрочем, необходимость соблюдать конспирацию не оставляла даже шанса на это. Тонкие стены и чуткий слух желчной хозяйки пансиона сводили на нет все романтические помыслы. Да и сам Озорник вёл себя так, будто меж ними ничего не случилось… В конце концов, та ночь в Гавре стала казаться Ласке чем-то вроде сна… Или мимолётной фантазии. Они виделись лишь за едой, да и то не всегда – Ласкин спутник частенько возвращался под утро, и буркнув что-то невразумительное, заваливался спать.

– Тебе стоит подстричься, и чем хуже – тем лучше! – заявил Озорник спустя неделю. – Ещё немного, и постояльцы начнут задаваться вопросом – действительно ли перед ними мальчик… Уж больно ты хорошенькая!

Ласка покраснела.

– Справилась с переводом?

– Шутишь? Я и половины первого тома не осилила…

– Ладно, у нас не так много времени… Знаешь, я ведь недаром принес именно эти книги. Скажи, тебя ничего не насторожило в прочитанном? Не возникло ли ощущения фальши, неправильности мироустройства? – добавил он, когда девушка озадаченно нахмурилась.

– Мне не нравится то, что делает с другими странами Империя, если ты об этом…

– Да нет же! – Озорник досадливо мотнул головой. – Ну вот, например, неандертальцы и люди… Как ты думаешь, это естественно, что оба вида мирно сосуществуют рядом? Я уже не говорю о фелис, московитских медведях и прочих…

– А что здесь такого? – пожала плечами Ласка.

– Знаешь, есть закономерность: там, где живут мыши – не водятся крысы. И наоборот. Близкородственные виды вытесняют друг друга с удобных территорий, таковы законы природы…

– Но неандертальцы живут в основном в Швейцарии…

– А ещё на Памире и на Дальнем Востоке, – подсказал Озорник. – Не говоря о тех, которые встречаются в Империи – и не сказать, что редко... Ну, а как тебе Новый Свет с его странной природой и чудищами, которые не привидятся даже в самых кошмарных снах? В Старом Свете они вымерли миллионы лет назад!

– На что ты намекаешь? – непонимающе сдвинула брови девушка.

– На то, что этот мир неестественен. Он – словно химера, склеенная из разных кусков. Он лишен логики и гармонии… Взять хотя бы Империю – уродливую, будто раковая опухоль, опутавшую щупальцами весь мир… Империю, столица которой имеет размер больший, чем иные государства. Заметь, я говорю не о справедливости – это понятие слишком человеческое, к тому же, все воспринимают его по-своему…

– Ну… Наверное, это можно как-то объяснить… – не слишком уверенно сказала Ласка.

– Вот именно, что «как-то»! – Озорник усмехнулся. – Официальная наука тщится это сделать уже давно… Учёные мужи погрязли в суемудрии, всё больше запутывая других и себя паутиной объяснений и толкований… И некому окинуть всё свежим взглядом и сказать «не верю!».

– Сказать-то можно, – хмыкнула девушка. – А дальше?

– А дальше – всего лишь шаг до простой, в сущности, догадки… Этот мир не всегда был таким. Его создали, создали искусственно – но… Не слишком-то искусно.

– Кто? Господь Бог?

– Вовсе нет. Его творение, полагаю, было совершенно, – Озорник серьёзно смотрел Ласке в глаза. – Это дело рук человека… Но вот инструмент, оказавшийся в этих руках, вполне возможно, принадлежит Создателю...

В комнате воцарилось молчание. «Инструмент? О чем это он? И… Уж не то ли самое, что он ищет?» – подумала девушка.

– Я называю его Лексикон, – вновь заговорил Озорник. – В переводе с древнегреческого – словарь... Помнишь, как в Библии: «Вначале было слово». Наш мир *изречён*, Ласка. Он соткан из слов. Из символов. Из единиц структурированной информации. Не знаю, как обозначить точнее; в человеческих языках нет точной аналогии, а математические формулы ты не поймёшь, слишком специфичная область… Собственно, и сам Лексикон не является книгой в привычном нам понимании; скорее, это некое устройство.

– Откуда ты всё это знаешь?!

– Я потратил два десятка лет, чтобы прийти к таким выводам. Двадцать лет изысканий, кропотливых исследований и путешествий… Зато теперь у меня есть ответы на главные вопросы.

– Что… И где? – после недолгих раздумий предположила девушка.

– В яблочко! – Озорник прищелкнул пальцами и негромко рассмеялся. – Ты умница…

Я знаю, что из себя представляет Лексикон; знаю, как им можно воспользоваться и что за этим последует. И самое главное: теперь я знаю, где он находится.

– Ну так пойдём и заберём его оттуда! – воскликнула Ласка.

– А вот здесь начинаются сложности… Знаешь, в Империи бытует такая пословица: «дьявол кроется в деталях».

***

Хиггинс, прислонившись к опоре монорельса, лениво поигрывал навахой. Плавно изогнутое лезвие с громким щелчком открывалось, после чего фелис подцеплял вытяжное кольцо когтем, высвобождая клинок из замка – чтобы спустя секунду щелкнуть им вновь.

– Ваше племя прям само не своё до всяких острых вещиц, – заметил Мусорная Голова. – Словно нарочно на неприятности нарываетесь.

Фелис ловко крутанул нож. Его пальцы были короче людских, и такой фокус требовал недюжинной ловкости.

– Неприятности… – протянул Хиггинс. – Вот уж не думаю. Иметь при себе перо – гораздо лучше, чем не иметь, особенно в нашем ремесле. Тогда неприятности будут у кого-то другого, сечёшь фишку?

– Вы словно юнцы! Считаете себя бессмертными, лазаете по крышам, балуетесь заточенными железками… И не взрослеете, в отличие от нас.

– Мы умеем жить красиво, старичок… А вы, пикты, давно превратились в крыс. Вы шныряете на задворках и жрёте отбросы, ваши Полые Холмы нынче – груды хлама на городских свалках. Вы боитесь не то что взять своё по праву, даже протянуть руку за подаянием… Жалкая судьба для людишек, что правили когда-то всем Альбионом!

– Ты плохо знаешь историю, Хиггинс. Пикты не правили, они просто жили… – усмехнулся Мусорная Голова; пренебрежительные слова фелис, казалось, ничуть его не задели. – Всегда находился кто-то, предъявлявший права на этот клочок суши… Кто-то многократно сильнейший. О, их было много, этих завоевателей! Римляне, саксы, норманны… А нам не нужны ни слава, ни величие – только жизнь; зато в искусстве выживания мы достигли совершенства.

– Прячась по чащобам и гиблым болотам, – ввернул фелис. – А когда последние леса вырубили, а болота осушили, вы ушли жить на свалки!

– На свалки, в канализацию, под мосты… Но заметь: ни я, ни мои братья не числятся ни в одной ведомости Империи, ни в одном документе – разве что речь в них идёт о неизвестных бродягах... Мы были здесь всегда, Хиггинс; и пребудем вовеки. Когда последняя труба перестанет дымить, обрушатся от старости башни Тауэра, а развалины Вестминстерского аббатства скроет ползучий плющ – мой народ выйдет на берега Темзы и будет плясать при луне, радуясь и ликуя…

– Да ты мечтатель, мой татуированный друг! – фыркнул Хиггинс. – Плясать при луне, ха! Ты всю жизнь будешь шастать по помойкам – пока не сдохнешь от какой-нибудь заразы…

– Бьюсь об заклад, я проживу дольше тебя!

– Не бросайся такими словами, когда имеешь дело с фелис! – глаза Хиггинса опасно блеснули. – Мы парни азартные… Я ведь могу и принять твоё пари! Как ты думаешь, долго ты после этого протянешь? Сколько, по-твоему, моих ребят пасли тебя, а?

Мусорная Голова сдвинул на затылок бесформенную войлочную шляпу.

– Значит, так… Юный фелис у станции, потом та кошечка с корзинкой для пикников, что прошла мимо нас минут пять назад… Твоя подружка, да?

Самоуверенная ухмылка Хиггинса померкла.

– Ну и, разумеется, твой кузен на крыше соседнего дома, – невозмутимо продолжал Мусорная Голова. – С его стороны не слишком умно швырять вниз окурки… А теперь скажи, сколько *моих* людей ты заметил?

– Здесь нет никого, кроме нас. Ты блефуешь! – неуверенно пробормотал Хиггинс.

– В самом деле? – Мусорная Голова тихонько рассмеялся. – Не стоит недооценивать пиктов, партнёр! Ты назвал нас крысами, а? Я не в обиде, но ты должен знать: крысы – они везде. Всё видят и всё слышат… Этим мы и живём, знаешь ли.

– Чёртовы посредники… – проворчал фелис.

– Ага. А вон, кстати, и наши приятели…

– Тощий тип и мальчишка? – Хиггинс встопорщил усы. – Что-то они непохожи на серьёзных клиентов!

– Какая тебе разница, на кого эти двое похожи, – хмыкнул Мусорная Голова. – Лишь бы не на бобби… Ты же сам просил найти для вас с братьями выгодное дельце. И кстати, насчет мальчишки ты погорячился… Хотя спутать немудрено, уж больно она плоскогруда.

– Она?!

Ласка с любопытством рассматривала странную парочку. Фелис она видела всего единожды, во время драки в гаврских трущобах: гибкая тень с горящими глазами… Теперь же представлялась возможность разглядеть представителя этого племени во всех подробностях. Хиггинс был одет с некоторым вызовом: клетчатые брюки-дудочки, твидовая охотничья куртка с кожаными нашлёпками на локтях и пёстрый платок, небрежно повязанный на манер галстука. Шляпа-котелок имела прорези для высоких треугольных ушей; впрочем, от правого уха Хиггинса осталась только половина. Разбойную кошачью морду наискось перечёркивали несколько шрамов, судя по всему, оставленных когтями соплеменников – узкие параллельные полоски лишенной шерсти кожи. Самое большое впечатление производили его глаза: большущие, зеленовато-янтарные, похожие на самоцветные камни… Сзади, в прорези штанов, подрагивал длинный полосатый хвост. Обуви фелис не носил: очевидно, ему частенько приходилось использовать нижние лапы, карабкаясь по стенам и водостокам. Неподалёку от Хиггинса сидел на корточках заросший буйным волосом коротышка, облачённый в ворох немыслимо грязных тряпок. Лицо этого типа сплошь покрывали татуировки: издали казалось, будто кожу его поразила некая экзотическая болезнь. Озорник вежливо приподнял кепи, приветствуя их.

– Моё почтение, джентльмены!

Фелис небрежно кивнул.

– Если не возражаете, перейдём сразу к делу, – заявил Ласкин спутник. – Итак, господин...

– Хиггинс. Кстати, я чёй-то не расслышал твоего имени…

– Зови меня Озорник.

Хиггинс ухмыльнулся, продемонстрировав крепкие желтоватые клыки.

– Так что же вам угодно… Сэр Озорник?

– Хочу предложить тебе и твоим братьям выгодное дельце – как раз из тех, по которым вы большие специалисты.

– С чего ты взял, будто мы что-то такое можем?

– Давай не будем играть… – Озорник усмехнулся, – в кошки-мышки. Мне нужны партнёры достаточно рисковые, чтобы забраться на хорошо охраняемую виллу – и достаточно ловкие, чтобы вскрыть там пару-тройку замков.

– И чья это вилла?

– Она принадлежит некоему Метью Фоксу…

– Метью Фокс? – фелис округлил глаза. – *Полковник* Мэтью Фокс?

– Именно он. Постойте, куда это вы?!

– Всего хорошего, мистер! – обронил через плечо Хиггинс.

– Но вы ещё не слышали главного...

– Мертвецам деньги ни к чему.

– В мире нет ничего невозможного – особенно если речь идёт о сотне тысяч фунтов.

Хиггинс сделал ещё пару шагов и остановился. Ласка почти физически ощутила повисшее в воздухе напряжение. Казалось, Озорника и фелис соединила невидимая, натянутая до предела струна. Мусорная Голова совсем ушел в свои тряпки; между воротником и мятой фетровой шляпой торчал только кончик носа.

– Что ты сейчас сказал? – не оборачиваясь, спросил Хиггинс.

– Ты всё расслышал правильно. Как, готов рискнуть за такую сумму?

– Послушай, приятель, ты наверное, плохо себе представляешь, что такое вилла полковника Фокса!

– Разве я говорил, что это будет легко? – поднял бровь Озорник.

– Думаю, тебе следует кое-что объяснить нашему другу, – вмешался Мусорная Голова. – Иначе это и впрямь выглядит странно. Представь себе: является некто и предлагает обнести… Виндзорский дворец, например!

– Хорошо, ты прав. Дело в следующем: я знаю, как беспрепятственно проникнуть на виллу – и могу в этом поспособствовать.

– Очень любопытно… – скучающе протянул Хиггинс. – Ну, а твой какой интерес?

– Полковник Фокс хранит некую вещь. Она, по совести, должна принадлежать мне – но в силу некоторых досадных обстоятельств, находится в его руках.

– Ты подумай, какая жалость! – фыркнул фелис.

- Ага, - в тон ему ответил Озорник. – Но ближе к делу. Так уж получилось – я неплохо изучил систему охраны виллы, и разработал план. Если нам удастся претворить его в жизнь, я получу желаемое… Ну, а ты с братьями обеспечишь будущее не только себе, но и своим детям и внукам.

– Метью Фокс – личность известная… После такого налёта у нас земля будет гореть под ногами, – задумчиво молвил Хиггинс.

– А что тебе мешает покинуть Альбион, а то и вовсе – пределы Империи? – пожал плечами Озорник. – С такими деньгами ты можешь жить где угодно… Если повезёт, купишь себе шале в швейцарских Альпах и наймёшь целую армию неандертальцев для круглосуточной охраны!

Фелис молчал; морда его не выражала никаких эмоций – но Ласка буквально чувствовала, как жадность борется со страхом в душе этого существа.

– Я должен подумать, – вымолвил, наконец, Хиггинс.

– Хорошо, думай, – легко согласился Озорник. – Только не слишком долго: я хотел бы знать о твоём решении до конца этой недели… Чтобы было время осчастливить каких-нибудь рисковых парней, если ты вдруг откажешься.

***

Подвесной экипаж перемещался почти бесшумно, лишь изредка ролики и шестерёнки двигательной системы издавали приглушенный лязг. Монорельсовые дороги сетью опутывали Альбион, протянувшись от полуострова Корнуолл до Шеффилда; а центром этой рукотворной паутины был Лондон. Сердце Альбиона, столица в столице; гигантский муравейник, кишащий представителями всевозможных рас и национальностей – такими словами описывал Озорник цель их путешествия. Пока же за окошком вагона проплывали унылые образы индустриального пейзажа, изредка сменяясь каменистыми, поросшими вереском и дроком пустошами, болотами и речушками.

Исполинские Л-образные опоры возвышались над крышами домов, поддерживая несущий рельс. Зачастую их экипаж проплывал на расстоянии вытянутой руки от плотно закрытых окон. Воздух Альбиона был насыщен тяжелыми, неприятными запахами. Сквозь щели вагончика тянуло то вонью мыловарен, то тиной и водорослями от узкого, с мутной водой канала, то непередаваемым «ароматом» городских свалок – и, конечно же, неистребимым и всепроникающим угольным чадом.

– Как думаешь, он согласится? – спросила Ласка у своего спутника.

Озорник задумчиво глядел в окно.

– Полагаю, да. Фелис славятся своим авантюризмом и безрассудством. Знаешь, будь на его месте человек – он, скорее всего, отказался бы.

– Почему? За такие деньги…

– Полиция Альбиона действует безжалостно и эффективно. Поэтому здешние преступники предпочитают минимальный риск… Посмевших нарушить закон судьи отправляют на виселицу безо всякого снисхождения – иногда по нескольку десятков в день.

– Однако! – Ласка поёжилась.

– А ты как думала? В нашей игре ставки высоки… Но это и к лучшему, наверное.

– Почему?

– А какой смысл растрачивать жизнь по пустякам? По мне, так лучше поставить на кон всё, что у тебя есть, и поглядеть, чья карта сильнее… – Озорник помолчал и вдруг усмехнулся. – Хотя туз в рукаве никогда не помешает, знаешь ли.

– А кто такой этот полковник Мэтью Фокс? Он что, – девушка понизила голос. – Один из *этих*?

– Нет, – покачал головой Озорник. – Он, конечно, богат и влиятелен, но даже и близко не стоял к истинными властителями мира. Полагаю, он и сам не знает, *что* именно находится в его руках; иначе хранил бы эту вещь куда надёжнее… Впрочем, добраться до неё и так будет нелегко.

– Его вилла хорошо охраняется?

-О, да! У сэра Мэтью пунктик относительно воров и грабителей; он превратил своё поместье в настоящую маленькую крепость… А ограда – кованая решетка высотой в три человеческих роста, к тому же концы пик дьявольски острые.

– Ты что, пробовал туда залезть?

– Нет. Но я нашел того, кто пробовал, – Озорник помолчал. – Парень чудом остался жив. Виллу стережет стая свирепых мастиффов и несколько слуг, вооруженных винтовками… Мой собеседник словил две пули – в плечо и ягодицу; ему чудом удалось скрыться.

– Мастиффы?

– Порода собак. Здоровенные, с телёнка, брыластые твари…

– Знаешь, мне как-то не очень хочется быть загрызенной… – поёжилась Ласка.

– Уж поверь, мне тоже! Поэтому мы не полезем через ограду.

– А как? Неужто через канализацию? – девушка поморщилась.

– Нет… – Озорник испытующе посмотрел на неё. – Ты войдёшь туда сама, без провожатых – и откроешь дорогу остальным.

– Как это?! – глаза Ласки округлились от изумления.

– Очень просто. Мальчишке Билли, ученику механика, пора исчезнуть. Теперь его место займёт очаровательная юная авантюристка.

– Хорошенькие дела! – девушка возмущённо отвернулась. – А меня, стало быть, и спрашивать не надо?!

– Послушай, это часть плана. Я предположил, что ты не будешь против. Но если тебе не нравится, я придумаю что-нибудь ещё, – Озорник чуть заметно усмехнулся. – Например, попробуем проникнуть туда через канализацию… Мне необходима эта вещь, Ласка. Нужна позарез. Без неё ничего не получится.

Девушка молчала, чувствуя, как щеки предательски наливаются красным. «Он ведь положил на это всю жизнь! А я тут ещё… Кобенюсь».

– Ну хорошо, – хрипловато буркнула Ласка. – Только я всё равно не понимаю! Разве что этот Мэтью Фокс приглашает всех без разбора…

– Как раз наоборот. Но пусть тебя это не беспокоит! – подмигнул Озорник. – Ты попадёшь туда как желанная гостья – московитская дворянка, графиня Воронцова.

– Что?!

***

– Опять вы здесь! – инспектор с отвращением поднял воротник: туманная влага конденсировалась на стальных фермах моста и капала вниз. – Послушайте, как вас…

– Мюррей. Джек Мюррей, – Джек был уверен, что инспектор прекрасно помнит его имя.

– Объясните мне такую вещь: почему вы каждый оказываетесь на месте преступления едва не раньше полиции?

– Вы меня подозреваете? – поднял бровь Джек.

– Разве я сказал это? Нет, я всего лишь хочу знать, кто из моих людей поставляет вам информацию. Намекните, а? Клянусь, я и пальцем его не трону…

Мюррей улыбнулся и покачал головой.

– Лучше сделайте заявление для прессы. Только, умоляю, не…

– Полиция работает над этим! – мстительно ухмыльнулся инспектор. – Впрочем, вы, по своему обыкновению, напишете – «Скотленд-Ярд в тупике», не правда ли?

– Читателю нужно что-то конкретное, вы же понимаете… Если уж не имя убийцы – то леденящие душу подробности… Покойный, часом, не был осведомителем полиции?

– Да, в этом деле вы, газетчики, большие доки… – инспектор проигнорировал заданный небрежным тоном вопрос, и Мюррей утвердился в своих подозрениях. - Ладно, можете взглянуть. Надеюсь только, у вас крепкий желудок…

Джек, стараясь не перепачкать туфель, шагнул к телу.

- Биллингс, ну что там у вас?

– Многочисленные ожоги на теле, сэр. Беднягу ошпарили, словно рождественского порося…

– Опять пар? – Мюррей глянул в лицо мертвеца и поморщился.

Багровая маска застыла в беззвучном крике; вытаращенные глаза были абсолютно белыми – словно варёное яйцо. Из рваной раны на лбу тянулась запёкшаяся кровь. Руки покойного были грязны, ногти содраны – похоже, перед смертью человек царапал землю.

– Эх, если бы ваши люди не затоптали следы!

– Хотите поучить меня моей работе, а? Так вот, к вашему сведению: следы – это первое, на что мы обратили внимание! – инспектор был рад поставить нахального щелкопёра на место, и Джек мысленно поздравил себя: его тактика принесла плоды.

– Там, – инспектор махнул рукой в туман, – он столкнулся с чем-то, что напугало его до чёртиков. Бедняга бросился бежать, не разбирая дороги. Ссадина на голове – пустяк, он споткнулся и ударился о ферму моста… А вот дальше получается нечто странное. Парень бежал к реке, как будто надеялся найти там спасение; но так и не успел добраться до воды. В прибрежном иле ясно видны следы борьбы, да и одежда покойного выглядит так, словно он кувыркался в грязи… Потом он несколько ярдов прополз – должно быть, уже умирая.

– Значит, всё произошло у воды? Скажите, инспектор – а чьи-нибудь ещё следы там остались?! – Джек вытащил блокнот в жестком кожаном переплёте, извлёк из его корешка тонкую латунную палочку с грифелем – патентованный вечный карандаш.

– В том и дело, что нет, – поморщился инспектор. – Ни единого! Такое впечатление, будто парень умер совершенно самостоятельно, без всякой помощи извне… Но если всё же имело место самоубийство, то где, хм… Орудие? Знаете, Мюррей, это дело меня доконает. Сплошные вопросы и ни единого ответа!

Джек снова глянул на лицо покойника. «Ну уж нет, готов поспорить на что угодно – это не суицид!»

– Кто нашел тело?

– Местные жители, – инспектор кивнул на темнеющие неподалёку дома. – Ночью их разбудили жуткие вопли…

– Но, как обычно, никто ничего не видел.

Инспектор бросил на Мюррея взгляд, словно говоря «не будь идиотом».

В голову Джеку неожиданно пришла идея. Торопливо простившись, он направился прочь. Едва полицейские скрылись из вида, репортер свернул в ближайшую подворотню – и почти сразу обнаружил искомое. Тощий подросток сидел на груде шифера, сосредоточенно орудуя перочинным ножиком – по всей видимости, пытаясь вырезать более-менее целый кусок из старой подмётки.

– Эй, малый! – негромко окликнул его Мюррей.

Юнец поднял настороженный взгляд.

– Вам чего, мистер?

– Поди сюда, дело есть… – порывшись в кармане, Джек выудил шиллинг.

Подросток приблизился, всё так же настороженно поблёскивая глазами; видно было, что он в любой момент готов дать дёру. «Точь-в-точь помойный кот!» – усмехнулся про себя Джек.

– Скажи-ка, малый, ты слыхал о том, что здесь случилось ночью? Ну, все эти крики и так далее…

– Ничё я не знаю… – мальчишка попятился, не сводя, впрочем, взгляда с монеты.

– Я не сыщик! – поспешно сказал Мюррей. – Я журналист, газетчик… Просто хочу разузнать, что здесь такое творится.

– Чего-чего… Убили здесь одного – всё шлялся, вынюхивал… - юнец криво ухмыльнулся.

– Ты его знал?

– Не-а… – подросток замотал лохматой головой. – Откудова? Он не здешний, это точно. Местные все по домам сидят, особливо ежели туман…

– Да ну? – Джек изобразил недоверие. – С чего бы людям бояться тумана? Здесь такое частенько случается…

Юнец облизнул губы.

– Это всё из-за призраков! – выпалил он.

– Каких ещё призраков?!

– А таких… Они появляются по ночам, вместе с туманом! Настоящие призраки, чтоб мне провалиться! И горячие, ровно адский пламень… Старый Эдвард Мозель повстречал както одного, возвращаясь из трактира. Хотел схватить его – да как заорёт! Грит, будто за чайник кипящий схватился! У него ладонь потом вся клочьями облезла, сам видел…

– И что, из-за одного пьянчуги все боятся выходить из дому? Что-то не верится…

– Так ведь их не только Эд видел, мистер! И другие тоже встречали, особливо кто по ночам шарится… – юнец неприятно усмехнулся. – Местных-то они никого не трогают, но лучше на всякий случай держаться подальше… Здесь ночью всякое может быть!

– Ну, хорошо… – Джек щелчком переправил юнцу монету; то проворно схватил её на лету.

В голове Мюррея потихоньку складывался план будущей статьи. Добравшись до оживлённой улицы, он взмахом трости остановил кеб, и, назвав вознице адрес, откинулся на жесткую спинку сиденья. К тому моменту, как лошадь остановилась, он уже практически завершил работу. Осталось лишь записать придуманное и отшлифовать некоторые фразы. Джек снимал квартиру в восточной части Гринвича; здесь селились в основном люди среднего достатка. Он распахнул дверь – и едва не столкнулся с девушкой, сбегавшей вниз по ступенькам.

– О! Прошу меня простить… – Мюррей отступил и приподнял шляпу.

Незнакомка состроила нетерпеливую гримаску и проскользнула мимо. Джек заинтересованно смотрел ей вслед. Волосы, чересчур короткие для нынешней моды, выбивались из-

под шляпки непослушными вихрами, плащ-пелерина, слишком лёгкий по такой погоде, трепал ветер.

– Кто эта леди? – осведомился Мюррей у консьержа.

– Некая мисс Вайзл[1]; она всего второй день, как поселилась у нас… Вроде бы, имеет какое-то отношение к театру, – консьерж усмехнулся в густые усы. – Прелестная девушка, не правда ли?

– Пожалуй… – задумчиво кивнул Джек.

***

Уроки хороших манер поначалу не вызывали у Ласки ничего, кроме отвращения; но Озорник был неумолим.

– Ты должна продержаться, по крайней мере, час! И всё это время тебя будут окружать люди, до тонкостей знающие здешний этикет, впитавшие его нормы с молоком матери…

– Кошмар! Послушай, но я ведь ничего не знаю об этой Воронцовой…

– Это как раз неважно. Графиня будет такой, как тебе захочется; главное – умение держать себя… И хорошо подвешенный язык. Но с этим у тебя проблем нет, по-моему.

Правилам хорошего тона девушку обучала миссис Сивер – сухощавая желчная особа, придирчивостью своей живо напомнившая Ласке её старого урядника, времён службы в Крепости. По прошествии нескольких уроков девушка начала чувствовать себя скованной невидимыми цепями: все эти понятия о том, что должна и чего не должна «настоящая леди», просто не умещались в голове! Вдобавок, пришлось сменить привычные уже одёжки мальчишки-механика на женский наряд. Все её счета оплачивал Озорник. Откуда он добывал деньги – оставалось загадкой; Ласка всё собиралась расспросить его об этом – но каждый раз забывала. Компаньона своего она теперь видела крайне редко и исключительно на людях: незамужней девушке не полагалось принимать у себя мужчин. По словам миссис Сивер, это окончательно и бесповоротно компрометировало её «в глазах общества»…

Тяготы нового положения были очевидны. Поначалу Ласка успокаивала себя тем, что это ненадолго; но по прошествии нескольких дней, к немалому собственному удивлению обнаружила, что происходящее понемногу начинает ей… Нравиться! Отношение окружающих разительным образом изменилось. На молчаливого подростка с угрюмым характером обращали внимание исключительно в одном смысле: как бы он что-нибудь не стянул. Облачившись в платье и начав пользоваться косметикой, Ласка тут же ощутила интерес противоположного пола. Это оказалось странным, раздражающим… Но и приятным тоже! На удивление приятным. До этой поры большинство мужчин, с которыми ей довелось общаться, были казаками Крепости, а ухаживания товарищей по оружию не шли дальше двусмысленных шуток и шлепков по мягкому месту. На последнее Ласка пару раз отвечала ударом маленького, но крепкого кулачка, что надолго отбивало у шутников охоту. Но теперь… О, теперь это было нечто иное! Заинтересованные, *тёплые* взгляды, дружелюбие и интерес – иногда тщательно скрываемый, иногда нет, к её скромной персоне… Девушка робко попробовала кокетничать – и поразилась, насколько падки мужчины на столь примитивные штучки… Желания опробовать «женские чары» на своём друге Ласка не испытывала совершенно: казалось, та вспышка страсти меж ними была единственной и случайной… Озорник, конечно, заметил произошедшие в ней перемены – ещё бы, он ведь сам был их творцом!

– Миссис Сивер творит чудеса… Нет-нет, я нисколько не умаляю ваших заслуг, леди: это просто замечательно… Из куколки вылупилась бабочка! – Озорник подмигнул девушке. – Но ты пока что не графиня Воронцова, скорее, хм-м… Начинающая авантюристка, – он

[1] Weasel по-английски – горностай, ласка; другое значение этого слова – проныра.

усмехнулся. – Теперь следует поработать над стилем; впрочем, уроки хороших манер оставлять нельзя… Нынче вечером я сведу тебя с одним интересным человеком.

Знакомство состоялось в старом, изрядно запущенном особняке. Немногочисленные следы былой роскоши ещё сохранялись: резные дубовые панели, чиппендейловский шкаф в углу комнаты, напольные часы с массивным фарфоровым циферблатом, напоминающие вычурное надгробие…Но рассохшийся, почерневший паркет взывал о циклевочном ноже и лаке; да и полосатые обои давно выцвели и пожелтели от времени.

Хозяин встретил их лично. Богатырского телосложения, хотя и несколько обрюзгший, он был облачен в заметно повытертый бархатный шлафрок и мягкие домашние туфли. Благородный профиль несколько портил красный, в прожилках нос, выдававший пагубное пристрастие хозяина к спиртному.

– Мисс Вайзл, позвольте представить вам моего друга Тома О'Шонесси, замечательного человека и, не побоюсь этих слов, одного из самых выдающихся трагиков современности, – Озорник отвесил церемонный поклон. – Поверьте, вряд ли во всём Альбионе найдётся человек, знающий актёрское ремесло столь досконально… Том, а это – та самая девушка, о которой я говорил…

– Вы преувеличиваете мои скромные заслуги, друг мой! – О'Шонесси улыбнулся и вальяжно указал на продавленный диван. – Прошу вас, присаживайтесь… Итак, мисс Вайзл, вы решили попробовать свои силы на театральных подмостках?

– О, это любительский спектакль… Но я отношусь к своей роли очень серьёзно! – отвечала наученная Озорником девушка. – Знаете, я участвовала в «живых картинах»; но тут совсем другое! Честно говоря, я очень боюсь опозориться…

– Гм… Ну что же, я буду рад, так сказать, поделиться опытом… Хотелось бы, конечно, увидеть текст пьесы… Или это что-то общеизвестное?

– В том и дело, что текста, как такового, нет, – пришел на помощь Ласке Озорник. – Новые веяния, знаете ли: имеется общая постановочная канва, а в её рамках артисты импровизируют в соответствии с выбранным образом…

– Ох, не одобряю я подобные новации! – старый актёр осуждающе покачал головой. – Что толку в них, мой друг? В конце концов всё вернётся на круги своя, к шекспировским традициям, помяните моё слово…

Наука Тома О'Шонесси оказалось непростой, куда тоньше «хороших манер» – но и куда увлекательней. До сих пор Ласка видела театральное представление только единожды – когда Крепость посетила бродячая итальянская труппа, бог весть какими судьбами занесённая на Урал. Обильно жестикулирующие люди в странных нарядах тогда не произвели на неё особого впечатления. Куда больше заинтересовал девочку московитский медведь, сопровождавший артистов в качестве телохранителя и проводника...

– Забудьте о сцене, леди. Забудьте о роли, в конце концов. Вы не должны играть эту вашу графиню; вы должны быть ею! Взять хотя бы последнюю реплику… Не акцентируйте приказание, это совершенно ни к чему!

– Но…

– Вы не сержант, командующий взводом солдат! Голос должен звучать мягко и ровно… И абсолютно уверенно! У этой леди не возникает даже тени сомнения, что её распоряжение поймут неправильно или исполнят неверно… Ну-ка, попробуем ещё раз… Нет-нет, опять не то, с самого начала! Ваш взгляд выдаёт смятение, и этого достаточно, чтобы загубить роль! Поймите: ваше достоинство – это броня, разрушить которую не-воз-мож-но! Ничто не способно смутить вас, кроме ваших собственных чувств и мыслей… Движения души рождаются изнутри, а не вовне – именно это вы должны показать!

Ласка была поражена. Ей открылась вдруг ещё одна грань этого мира; открылась через её собственное, пусть и невеликое пока, умение – позой, осанкой, вскользь брошенной фразой

закладывать в головы окружающих нужные ей мысли! Для закрепления навыков они с Озорником совершали долгие прогулки, с заходами в рестораны и театры. Дни улетали прочь, словно ласточки; минула неделя, затем ещё одна – и вот, наконец, Озорник сказал:

– Завтра.

– Ну наконец-то! – вздохнула Ласка, чувствуя, как тревожно забилось сердце. – Значит, коты согласились?

– Я в этом даже не сомневался… Фелис уже в Лондоне, разнюхивают, что и как.

– Ну, и каков твой план?

– Строгого плана нет – но это и к лучшему; опыт подсказывает мне, что в такого рода делах что-нибудь обязательно пойдёт не так. Будем действовать по обстановке. Твоя главная задача – помочь фелис проникнуть в дом; остальное уже их забота.

– Может, ты наконец скажешь мне, как оно выглядит – то, что мы ищем? Вдруг я увижу его?

– А я разве не говорил? – Озорник удивлённо поднял бровь. – Мне казалось… Надо же, старею! Это такая забавная штуковина… Книга, переплёт которой невозможно толком разглядеть.

– То есть? Она что, невидима? Прозрачна?

– Нет, ты определённо увидишь перед собой книгу; но вот сказать, к какому веку она принадлежит, из чего сделана обложка и каков её точный размер, не сможешь… Каждую секунду всё это будет казаться немного другим, хотя момент превращения глаз не замечает… Своего рода воплощённая платоновская абстракция…

– И с её помощью ты надеешься разрушить Империю? – недоверчиво спросила девушка.

– Самое смешное, что это правда.

***

Вынырнувшие из густого, подсвеченного фонарями тумана фигуры двигались с неестественной для человека быстротой и грациозностью. Испуганно заржала схваченная под уздцы лошадь; кэбмен схватился было за кнут, но тут же опустил руку: поверх револьверного ствола на него уставились светящиеся глаза фелис.

– Главное, не дёргайся, мистер! – мяукнул гнусавый голос из-под закрывающего морду платка. – Сиди смирно, и с тобой не случится ничего плохого.

Дверцы кэба распахнули сразу с двух сторон; сверкнули ножи.

– Кто вы такие!? – возмущённо воскликнул женский голос.

– Разбойники, мэм! – фелис издевательски приподнял шляпу. – Соблаговолите отдать драгоценности… И сумочку тоже.

– Да как вы сме… – возмущённый мужской голос смолк на полуслове: горло говорившему кольнуло острие навахи.

– У нас чувствительные уши, мистер. Поэтому, умоляю: не надо шума. Это может очень плохо отразиться на вашем здоровье, хе-хе-хе… Короче, заткнись и делай, что тебе велят!

– Миледи, с этими негодяями шутки плохи! – хрипло прошептал мужчина своей спутнице.

– Вам известно, кто я такая, отребье?! – с ледяным спокойствием процедила женщина. – Спустя полчаса вся полиция Лондона будет идти по вашему следу!

– Мы знаем это, мэм. И если нас поймают, то вздёрнут на виселицу без лишних разговоров… Так что терять нам особо нечего, соображаете? Поэтому не заставляйте моих ребят нервничать!

Один из нападавших спрыгнул с подножки кэба и подошел к закутанной в плащ фигуре, наблюдавшей за происходящим из ближайшей подворотни.

– Ну-ка, глянь…

– То, что надо, – отозвался мужчина, рассматривая содержимое сумочки. – Я забираю приглашение, остальное ваше… Кэб и людей нужно спрятать, как и договаривались; пассажиров связать – да получше!. А тебя с кузенами я жду в условленном месте.

– Никаких проблем… Твоя девчонка готова к светской жизни?

– За неё не беспокойся, Хиггинс.

– Я беспокоюсь только об одном, приятель – о чертовых псах…

– Тогда за дело!

***

Нельзя сказать, что Ласка была так уж спокойна, въезжая во владения полковника Фокса. Нет, присутствовала и слабость, и лёгкая дрожь в коленках – но… Всё это словно происходило не с ней, а с кем-то ещё. Нереальность действа, туман и призрачный свет газовых фонарей – казалось, она и впрямь готовится выйти на подмостки некоего странного, потустороннего театра, чтобы сыграть первую в своей жизни роль... Вилла полковника вовсе не походила на неприступную крепость: просто дом, большой и добротно построенный, с двумя флигелями. Парадный вход стерегли чугунные львы; из их пастей вырывались голубоватые язычки газового пламени, а раскалённые клыки светились тёмно-вишнёвым в наползающих сумерках.

– Ручку пожалте, барышня… – проворчал по-славянски Потап, спрыгнув на землю и проворно обойдя кэб сзади: лошади при виде его мохнатой туши впадали в ужас.

Идея пригласить в качестве лакея московитского медведя принадлежала Озорнику. До сих пор Ласка видела этих созданий лишь мельком: медведи сопровождали торговые караваны, идущие из Московии в Уральское Атаманство, в качестве охранников. «Жители Альбиона падки до чужеземной экзотики ничуть не меньше прочих – решил напарник. – Это сыграет на руку твоему образу». Потапа он нашел в одном из пабов: тот глушил дешевое виски, объясняясь с барменом при помощи языка жестов... Надо сказать, цену за свои услуги медведь заломил немалую – на такие деньги можно было бы нанять трёх лакеев; но Озорник посчитал, что дело того стоит.

– Помимо прочего, он будет исполнять обязанности телохранителя. Я намекнул ему, что среди гостей могут найтись твои недоброжелатели… Если что-то пойдёт не так, Потап даст тебе возможность вырваться оттуда до прихода полиции.

– Он же не будет всё время ходить за мной! Тогда я точно не смогу ничего сделать…

– Просто крикни погромче, и он тут же придет на помощь. Слух у медведей ничуть не хуже, чем у фелис… Но это лишь в самом крайнем случае.

Дворецкий полковника встретил их на крыльце. Ласка, улыбаясь загадочно и слегка надменно, протянула ему приглашение; но тот почти не обратил на него внимания – взгляд его не отрывался от московита.

– Миледи… Ваш, э-э…

– Потап? Отправьте его к слугам, – Ласка добавила чуточку снисходительности в улыбку.

– Но…

– Не бойтесь, он их не съест… Разве что, обыграет в карты. Но подобные вещи неизбежны, когда несколько джентльменов собираются за зелёным сукном, не так ли?

«Ну, мистер О'Шонесси, похоже, первый экзамен я сдала!» – подумала девушка; но уже в следующий миг её невозмутимость была подвергнута серьёзному испытанию. Посреди холла стояла некая конструкция. В первый миг Ласка приняла её за старинный рыцарский доспех – только почему-то сделанный из меди. В следующий момент она поняла, что перед ней машина – наподобие рыцаря Атаманства, только гораздо меньших размеров. «Как же ей управляют?» – изумилась она. На груди у металлического человека была приклёпана табличка с надписью: «Пожалуйста, не дотрагивайтесь до меня. Вы можете обжечься». Внутри механизма что-то щелкнуло, зашуршало, и из корпуса зазвучал на удивление приятный голос:

– Полковник Мэтью Фокс очень рад видеть вас, сэр, мэм. Пожалуйте за мной.

С этими словами медный человек развернулся и покатил в глубину холла: Ласка заметила, что он движется по узким, вмонтированным в пол рельсам. «Интересно, на чём у него работает топка? Что-то бездымное, вроде спирта или сжатого газа – иначе здесь уже нечем было бы дышать!» – подумала Ласка.

Распахнув двери гостиной, медный лакей замер.

– Как прикажете вас представить, сэр, мэм? – осведомился записанный на эбонитовый валик голос.

– Леди Воронцова, – ответила Ласка, с любопытством ожидая, что будет дальше. В утробе механизма что-то щелкнуло, зашипело – а вслед за тем она услышала собственный голос, усиленный жестяным рупором рта. Тут девушка увидела хозяина виллы: статный седовласый мужчина, близоруко щурясь, отвесил её короткий поклон.

– Миледи, рад вас приветствовать в моём скромном жилище…

Ласка сделала шаг за порог – и невольно вздрогнула. Зал был полон чудовищ, и все они смотрели на неё. Пламя газовых рожков отливало тёмным янтарём в глазах монстров, поблёскивали оскаленные клыки, чешуйчатые тела отбрасывали причудливые тени на дубовые панели обшивки. Секундой позже пришло понимание; девушка невольно улыбнулась.

– Какие великолепные трофеи… Моё искреннее восхищение таксидермисту, сэр: они просто как живые! Неужели вы сами убили всех этих тварей?

– О нет, что вы! – рассмеялся полковник. – Чудовища Нового Света – охотничья добыча сэра Дадли, моего отца. Он был великим путешественником и страстным охотником… Э-э… Не сочтите за бестактность, но, признаться, я ожидал, что вы, гм-м... Несколько старше!

Этот вопрос Ласка с Озорником предусмотрели заранее, и у девушки был готов на него ответ.

– Должно быть, вы спутали меня с моей маменькой, полковник… – обворожительно улыбнулась Ласка. – К сожалению, она неважно себя чувствует: климат Альбиона не идёт на пользу её здоровью. Я же просто не могла упустить такой случай. Возможно, я несколько преступила рамки… Но у нас в Московии мы относимся к таким вещам не столь формально.

– О, мы вовсе не такие формалисты, какими нас представляют! – рассмеялся хозяин виллы. – Знали бы вы, что вытворяют некоторые юные леди нашего круга… Гм, не буду называть имён… Я и понятия не имел, что у графини есть столь очаровательная дочь! Где они вас прятали всё это время? А вы, надо сказать, прекрасно говорите на бритиш!

– Как и всё московитское дворянство, полковник. Язык Империи ныне сделался достоянием людей просвещённых…

– И это замечательно, не так ли? Однако же, я слыхал, в Московии сильна партия славянофилов… Стало быть, вы придерживаетесь прогрессивных взглядов, графиня?

– Как истинная патриотка своей страны, я не одобряю политику Империи, – заявила Ласка. – В конце концов, наши и ваши солдаты ещё недавно убивали друг друга на поле брани… Но это не значит, что я отрицаю достижения британской цивилизации. Кстати, ваш медный лакей произвёл на меня впечатление…

– Паровой Том? Забавная игрушка, не правда ли? Я ведь тоже своего рода коллекционер, но, в отличие от своего родителя, увлекаюсь не экзотической фауной, а всевозможными техническими новинками…

– Метью, старый ловелас! Вы, похоже, решили завладеть вниманием юной дамы безраздельно! – раздался весёлый голос из глубины зала. – Идите же к нам, мы тоже хотим получить причитающуюся нам долю!

***

– Холодно, черт! – один из тёмных силуэтов поёжился. – Не хватало ещё подцепить простуду… Ненавижу чихать! Черт, черт, черт!

– Не поминай дьявола всуе, – отозвался другой.

– С чего бы вдруг? – фыркнул первый. – Или ты ударился в религию, Хиггинс? Ты что, не знаешь – эти святоши отрицают, что у нас есть душа! Каково, а?

– Да плевал я на них и на всё поганое англиканство… Меня беспокоит одно: как бы нас кто-нибудь не услышал. Это богатый район, парень, и здесь полно бобби… Стоит кому-то пронюхать, что на чердак забралась пара-тройка фелис, как их здесь соберётся целая толпа; глазом моргнуть не успеешь!

– Сейчас бы глоточек валерьяновой настойки… – мечтательно протянул третий голос.

– Маленько терпения, парни. Если дельце выгорит, мы загуляем так, что чертям тошно станет!

– Хорошо бы… Слышь-ка, ты и впрямь думаешь, будто нас там ждут золотые горы? Что-то я не очень доверяю этому одноглазому! Как-то слабо верится в такое везение…

– Не беспокойся, денежки мы в любом случае получим! – Хиггинс улыбнулся, обнажив на миг влажно блеснувшие клыки. – Если окажется, что кривой играет нечестно, его ждёт маленький сюрприз…

– Ну?! Расскажи-ка!

– Всему своё время, Марвин. Не забывай, нам ещё нужно туда попасть…

На чердаке воцарилось молчание.

– Вот дьявол!

– Что ещё?

– Я только что видел за оградой собаку – здоровущая, ровно телёнок! – говоривший встопорщил шерсть на загривке.

– Вот поэтому мы и не можем туда сунуться, покуда девчонка не перебросит нам верёвку!

– Интересно, долго ещё ждать?

– Смотри, смотри – окно открылось!

– Так, всем отойти! – распорядился Хиггинс. – Не то ещё словите штырь в брюхо…

В тишине прозвучал негромкий шлепок – и спустя пару мгновений что-то тёмное мелькнуло в проёме чердачного окошка, едва не зацепив раму. Хиггинс проворно подхватил упавшую стрелу, нащупал бечевку и привязал к ней тонкий, но прочный канат.

– Готово…

Другой фелис извлёк потайной фонарь и приоткрыл заслонку. Луч света, отфильтрованный кобальтовым стеклом, был почти невидим, но адресат, тем не менее, заметил синий огонёк в темноте чердачного окошка. Бечевка дрогнула и поползла обратно, таща за собой канат. Хиггинс аккуратно стравливал его, не давая образоваться узлам и петлям.

– Интересно, как она протащила арбалет? – поинтересовался один из подельников.

– Хе! Бедовые дамочки под юбками ещё и не такое прячут! – ухмыльнулся Хиггинс. – Видел я эту штуковину! В разобранном виде можно запросто распихать по карманам…

– Нам бы тоже нелишне обзавестись такой вещицей, как считаешь? Может, потолкуешь с одноглазым, и он продаст нам арбалетик?

– Зачем, кузен?! Если всё выгорит, нам больше не придётся лазать по чужим окнам! – напомнил Хиггинс. – Станем этими… Ре-спек-табельными членами общества, во!

– Точно! Заведу себе дилижанс… Не, лучше этот, как его – стимкеб, на паровом ходу! И буду себе разъезжать с важным видом…

– Ага… Только где подальше отсюда, – Хиггинс подёргал канат, проверяя прочность узлов. – Ну, вроде готово… Я первый, вы за мной следом – и чтобы по одному, ясно?

Тёмный силуэт беззвучно скользнул над залитой туманом мостовой, над острыми пиками ограды – и исчез в отворённом окне.

***

Общение с гостями полковника довольно быстро утомило Ласку. Ещё несколько часов назад, собираясь приступить к выполнению их с Озорником плана, девушка гадала: какие они, аристократы Империи? Действительность оказалась прямо противоположной ожиданиям: более скучную и неинтересную компанию трудно было представить. Образ графини Воронцовой, созданный Лаской под руководством старого актёра, оказался гораздо более ярким, глубоким… Более живым – словно написанный маслом портрет в окружении дагерротипов. Эти мужчины и женщины, прекрасно и со вкусом одетые, с важным видом рассуждали о дерби, о новом фасоне платьев, о поварском искусстве Индии и Китая… Но стоило московитской аристократке заговорить о вещах действительно важных: о политике, войнах, имперской экспансии – как между ней и собеседниками словно вставала незримая стена. Девушке сделалось тошно от этих улыбок, таких вежливых – и однозначных, словно захлопнувшаяся перед носом дверь... Воздуха не хватало; к тому же, от чучел едва уловимо несло какой-то химией. «Пора» – подумала где-то в глубине графини Воронцовой Ласка. Девушку уже некоторое время не оставляло странное чувство – она словно была маленьким, очень внимательным и абсолютно спокойным наблюдателем, существующим где-то в глубинах её собственного тела – а оно, подобно рыцарской машине, послушно исполняло приказы… «Не спеши. Дай им время привыкнуть к тебе, – говорил Озорник. – Фелис будут ждать столько, сколько нужно; хоть всю ночь». Однако осуществить задуманное оказалось не так-то просто. У дверей во внутренние покои, как раз там, куда ей необходимо было попасть, постоянно дежурил лакей. Можно было, конечно, сделать попытку пройти мимо, словно тот был мебелью – но подумав немного, Ласка отклонила такой вариант. К счастью, ситуация разрешилась сама собой: страж всё-таки покинул свой пост, и девушка не преминула воспользоваться этим.

Светильников здесь не было, но слабые отблески уличных фонарей позволяли ориентироваться в пространстве. Дав глазам привыкнуть к полумраку, графиня Воронцова двинулась вперёд по анфиладе комнат, стараясь не шуметь. Вскоре она достигла нужной точки дома: окно смотрело как раз в правильном направлении. Девушка повернула бронзовую рукоять запирающего механизма, толкнула створки – и замерла, вдыхая насыщенный уличной сыростью воздух. Вокруг царила тишина. По спине скользнул предательский холодок: сейчас, в эту самую секунду, она всё ещё была гостьей, но уже следующий шаг делал её преступницей, окончательно и бесповоротно. «Поспеши. Время работает против тебя» – шепнул внутренний голос. Преодолев секундную слабость, девушка приподняла подол платья и извлекла их прикреплённых к кринолину чехлов части арбалета. Сборку и разборку этого небольшого, но весьма мощного приспособления она освоила в совершенстве: Озорник всякий раз завязывал ей глаза, и действовать приходилось на ощупь. Самым трудным было – взвести стальной лук, маленький, но дьявольски тугой: силы Ласкиных мускулов едва хватало для этого. Установив стрелу с привязанной к ней бечевой, девушка подняла арбалет, прицелилась – и, задержав дыхание, нажала на спуск. Стрела унеслась прочь, таща за собой шпагат; громко жужжала разматывающаяся катушка. Прошло несколько тягостных мгновений – и вот в чердачном окне дома напротив замигал синий огонёк. Ласка облегченно перевела дух и потянула бечеву. Скоро в её руках очутился канат; недолго думая, Ласка привязала его к ножке массивного письменного стола. Дело было сделано. Тёмная фигура фелис скользнула по канату – над брусчаткой мостовой, над пиками ограды, над тёмным садом – бесшумно, словно тень…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.